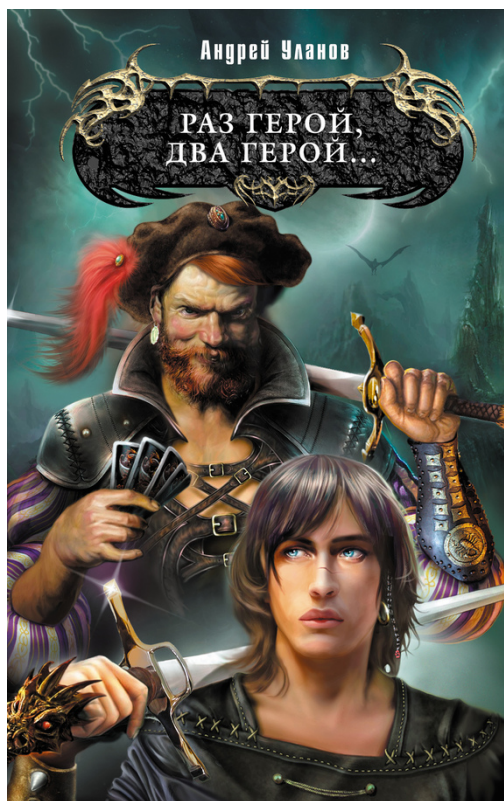

Андрей Уланов

Раз герой, два герой...

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120070
Раз герой, два герой...: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 5-699-03719-5

Аннотация

Как становятся Героями, настоящими, бесстрашными, с мечом в руке и принцессой в сердце? У Шаха из Дудинок вышло прямо по поговорке: не пей из копытца, козленочком станешь, однозначно. Выпил – и стал. Правда, не совсем козленочком – заснул Шах слегка перебравшим молодого вина деревенским олухом, а проснулся Героем. Скажете, так не бывает? Да, действительно, над Шахом слегка подшутили односельчане, выставив его победителем двух драконов, но ведь он был не в курсе и поэтому сразу отправился подтверждать свою репутацию. И вскоре в том, что Шах – Великий Герой, не сомневался и последний гоблин. Страшные монстры Запустенья затрепетали, опасаясь за свою участь. А дорога к славе так и льнула к героическим стопам. Оставалось только по ней идти...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Андрей Уланов

Раз герой, два герой...

Глава 1

Как героями становятся

Дзынь!

Почтеннейший дракон Грааугржимерюканг, которого жители семи подвластных ему деревень именовали между собой «древний Грау» или, значительно реже и предварительно убедившись в отсутствии в округе возможных соглядатаев господина дракона, «хитрохвостый», тяжело вздохнул, отложил в сторону массивную лупу с бронзовым ободом и ткнул в шар указательным когтем правой передней лапы. Шар осветился изнутри, и в нем появилось изображение головы другого дракона.

Увидев эту голову, древний Грау удивленно приподнял правое веко. Он был готов прозакладывать половину своей сокровищницы, что этого дракона он видит первый раз в жизни.

– Брещипору куры нагроуж Грааугржимерюканг! – проревела голова.

Древний Грау поморщился.

Здесь необходимо сделать небольшое пояснение. Дело в том, что, хотя драконьему языку и насчитывается неизвестно сколько тысяч лет, когда-то драконы (хотя в этот факт с трудом верится даже гномам) тоже были молодыми. В те времена они вели значительно более активный и... хм... откровенно говоря, бандитский образ жизни, чем теперь. Соответственно использовавшийся ими тогда лексикон был приспособлен именно к характеру и потребностям их тогдашнего, довольно малоприятного для окружающих сообщества. Но с тех далеких времен в драконьи пасти утекло немало вина, и постепенно драконы создали новый язык. На нем было значительно приятнее вести многодневные философские беседы, сидя за бочонками амонтильядо в теплой пещере и прислушиваясь к завыванию зимних буранов снаружи. Помимо прочих достоинств новый язык был недоступен для посторонних – он был так сложен, что первые две сотни лет его изучения уходило исключительно на освоение алфавита, а посему не драконы, пожелавшие научиться этому языку, должны были для начала озаботиться вопросом собственного долгожительства, а желательно – бессмертия.

Однако в отдельных случаях, к которым, как вы сейчас увидите, относился излагаемый, традиция предписывала пользоваться именно древним вариантом драконьего. Хотя уважение к традициям драконы впитывают, еще сидя в яйце, именно это требование доставляло пожилым высококультурным драконам, к которым относился и древний Грау, немалые неудобства. Дело в том, что по современным меркам этот древний язык был весьма нецензурным. Например, та фраза, которую выдувают в рог рыцари, вызывая драконов на бой, в переводе означает примерно следующее: «Посылаю тебя на...»

Итак, голова в шаре произнесла:

– Совсем, блин, совесть потерял, Прохвост.

Древний Грау поморщился.

– Гыкашмур авелом анин, курдбк! (Не по понятиям наезжаешь, молокосос!) – проревел он и, подумав, добавил: – Гыкахым бздым. (А за базар ответишь.)

Дракон в шаре замешкался.

– Быргрым, э-э... покоргум, то есть поркорхум, э-э...

Древний Грау вздохнул еще раз.

– Может, все-таки будем говорить на современном драконьем? – предложил он.

– А как же традиция? – удивился дракон в шаре. – Положено ведь.

– Так по традиции ты мне и до вечера не объяснишь, что тебе надо, – возразил Грау. – Все равно нас никто посторонний не слышит и слышать не может.

– Ну, я прямо не знаю, – замялся дракон в шаре. – Дело-то ведь...

– Чего тебе надо? – прямо спросил Грау.

– Деревню у темно-зелено-дубового леса и заливные луга к ней, – выпалил дракон в шаре, собравшись с духом.

– Ну, ты даешь! – поразился Грау. – А половину моей сокровищницы в придачу тебе не нужно? Я этой деревней владел, когда тебя еще и в кладку не отложили.

– А пусть и так! – запальчиво возразил молодой дракон. – А мне что делать? Только из скорлупы высунулся, только крылья первый раз расправил, глядь, а кругом все уже расхватано, все уже поделено-переделено. А мне тоже, между прочим, жить где-то надо. Я, между прочим, такой же дракон, как и ты.

– Я вовсе не подвергаю сомнению подлинность твоего драконства, – примирительно сказал Грау. – И я всегда сочувствовал проблемам нашей молодежи. Но только не в том случае, когда эту проблему пытаются решить за счет моих владений. Сначала одна деревня, потом – вторая, а дальше? И вообще, почему ты выбрал для предъявления своих претензий именно меня? Вот в дне полета, за Кривым холмом направо, один вампир живет, граф, так у него целых двадцать деревень. Почему бы тебе к нему не слетать?

– Ну уж нет, – твердо возразил молодой дракон. – Меня так уже не первый раз посылают. Короче, – он скосил глаза, стараясь не смотреть в сторону старого дракона, – назначаю тебе эту, как ее... разборку и забиваю эту самую... стрелку. Завтра утром на большом лугу за рекой.

Шар погас.

* * *

Большой луг за рекой, на котором было намечено проведение недружественной встречи двух драконов, находился неподалеку от одного из человеческих поселений Запустенья и использовался местными обитателями для выпаса скота. Деревня называлась Дудинки.

Почему – точно не знал никто. Жители деревни туманно намекали на загадочную легенду, уходящую своими корнями в те невероятно далекие времена, когда деревья были большими, драконы еще не вылупились, а состояние Доставкаки Билла не превышало десяти тысяч золотых. Однако поведать эту легенду посторонним они категорически отказывались. Жители окрестных деревень не менее туманно намекали на куда более позднюю и не совсем пристойную историю, в которой упоминался мул одного из дудинских Отцов Основателей, но поручиться за достоверность этой истории также не могли.

Именно дудинские пастухи в одно, вне всякого сомнения, доброе и прекрасное утро обнаружили на своем лугу двух мертвых драконов.

– Вот те на! – озадаченно сказал Старший Пастух Гоут Ктовец, обозревая поле жестокой битвы, в которое превратился его лучший выпас.

– Сдается мне... – начал один из пастухов.

– Ну?

– Один из ентых драконов...

– Который?

– Тот, что с краю.

– Ну?

– Смахивает на Старого Грау, то есть, – пастух испуганно оглянулся, – виноват, на господина Грааугржимерюканга.

– Врешь, – на всякий случай сказал Гоут, приглядываясь к крайнему дракону повнимательнее.

Основания усомниться в словах подчиненного у него были.

Во-первых, Старый Грау хотя и являлся полноправным властителем Дудинок, но очень не любил без особой необходимости покидать свою пещеру и показывался своим подданным на глаза только по самым большим праздникам. А они случались редко. За всю свою жизнь Старший Пастух удостоился чести лицезреть господина Грау всего два раза, причем в первый раз Гоуту Ктовцу было пять лет, а второй раз – двадцать восемь. Кроме этого, Гоут двенадцать раз видел драконов или кого-то очень похожего на них пролетающими высоко в небе, а один раз какой-то красный дракон приземлился на выгон, сожрал двух коров и пяток овец, нахлебался воды из реки и улетел, оставив на память о себе огромную кучу самого что ни на есть отборнейшего драконьего дерьма – вещи, ни на что, к сожалению, не пригодной и ужасно вонючей. К вящей радости Гоута, произошло это во время дежурства его сменщика – Второго Старшего Пастуха.

Во-вторых, хотя бой между драконами проходил согласно Уложению о Разборках, том 1, глава 18, параграфы с 1 по 25 включительно: «Допустимые средства мордоначищенья» – зубы и когти, никакого огненного дыхания и магических штучек, разрешено затачивать шипы на хвосте, если таковые имеются от рождения, а не выращены с помощью магии, – так вот, когда этими зубами и когтями, а также крыльями орудует здоровенный бронированный ящер, то получившееся в итоге бездыханное тело поддается опознанию весьма приблизительно. Даже если это тело такого же здоровенного бронированного ящера.

Так и не придя ни к какому определенному выводу, Гоут в итоге принял самое простое и естественное решение – переложить тяжесть принятия этого самого решения и связанную с ним ответственность на кого-нибудь другого.

– Значица, так, – повернулся Гоут к остальным пастухам. – Ты, ты и ты – бегом в деревню. Расскажите обо всем, что видели. Луки оставьте здесь.

В этом месте снова необходимо прервать ход повествования и кое-что пояснить.

Пастушеский отряд, находившийся под командованием Гоута Ктовца, насчитывал в своем составе четырнадцать человек и по вооружению и боевой выучке ничуть не уступал равночисленному отряду наемников, равно как и регулярной армии любого из Королевств. Как было экспериментально установлено людьми, имеющими несчастье обитать в Запустенье, это было совершенно необходимым условием для успешного выпаса деревенского стада, представляющего собой в глазах большинства лесных обитателей офигенную грудку МЯСА.

О том, что являет собой Запустенье и кто в нем живет, рассказываться будет на протяжении всей книги. Вкратце же лучше всех сформулировал это странствующий друид Лайлак Дуболом: «Так называемое Запустенье – это место, где природа и магия совместно напомнили существам, мнящим себя разумными, что если долго и упорно дергать кого-нибудь за хвост, то на другом конце хвоста может объявиться его владелец».

Так вот, расстояние, отделяющее выгон от ворот в укрепленном частоколе, который жители Дудинок именовали «оградой», легко одетый подросток преодолевает бегом за восемь минут. Троим взрослым мужчинам в доспехах времени на это потребовалось вчетверо больше.

Нельзя сказать, чтобы новость о возможной кончине старого Грау обрадовала дудинского старосту Вислоуха Обера очень уж сильно. Можно даже сказать, что она обрадовала его не совсем.

Дело даже не в том, что Вислоух вообще не любил новостей. Все-таки, будучи верховной деревенской властью, он волей-неволей должен был выработать определенную широту кругозора. Он даже допускал, что новости иногда бывают и хорошие. Более того, однажды

он предположил, что, возможно, где-то хороших новостей бывает не намного меньше, чем плохих.

Но весть о предполагаемой кончине Грау – это Вислоух мог сказать абсолютно точно – относилась к разряду тех, которых Обер предпочел бы не получать вовсе.

С одной стороны, конечно, взимаемые, точнее, выжимаемые Грау налоги ложились весьма тяжким бременем на тощий дудинский бюджет. Однако, с другой стороны, Грау был злом очень хорошо – за последние триста с лишком лет – известным и знакомым, а вот его будущий преемник, который непременно объявится в очень близком будущем, – нет. И вообще: «Лучший способ избавиться от драконов – это завести своего».

Припомнив в очередной раз это, давным-давно подслушанное им на ярмарке и запавшее глубоко в душу высказывание, староста вдруг вспомнил, что у их бывшего господина имелись родственники. Другие драконы. Которые, кстати говоря, могут весьма заинтересоваться обстоятельствами гибели своего, пусть и далекого, родича.

А раз так – требовалось незамедлительно принять все возможные меры, дабы господина драконы чего-нибудь...

Например, обеспечить господину Грааугржимерюкангу достойные похороны. А заодно и его сопернику – на всякий случай.

* * *

Додуматься до идеи вырыть «достойную» могилу двум, причем не самым мелким при жизни драконам, как выяснилось, намного легче, чем воплотить ее в жизнь.

– Клянусьдохлымогром, – выдохнул Жаба Партигген, с трудом переваливая содержимое своей лопаты через край ямы, – так мы и до завтрашнего утра не управимся.

– Вот еще – до утра, – отозвался Ушастый Вассеризель. – Как бы не так. Чего бы там Обер не изрекал, – на самом деле Ушастый выразился грубее, – а на этом поле меня после захода солнца и в помине не будет.

– Если до захода не успеем зарыть, – поддержал его Маультир, – то на эти туши такое сбежится... Такое...

– Угу, – согласился Жаба, вываливая очередную лопату. – Еще бы. Шоб на такие туши – и не сбежалось?

– Как я так смекаю, – задумчиво произнес Кругляк Зенгер, – что на частокол ныне, ну, в смыслах, енттой ночью, надо будет двойную стражу поставить. Иль тройную – для пущего спокойя.

– «Для спокойя, для спокойя», – передразнил его Вассеризель. – Будет тебе покой, как же. Вот теперешнюю стражу бы сюда – тогда, глядишь, аккурат к темноте бы и закончили.

– А на частокол кого?

– Баб. Твою, к примеру, женку... – Ушастый заржал. – Как возьмет оглоблю...

Остальные – за исключением, понятно, самого Кругляка – тоже заулыбались, живо припомнив, как не далее третьего дня Зенгерова жена гонялась за муженьком по всей деревне, размахивая при этом если не оглоблей, то уж здоровенным дрыном наверняка, и поминутно охаживая этим самым дрыном точно промеж кругляшинных ушей.

Впрочем, надолго этих приятных воспоминаний не хватило.

– Обера бы сюда, – мстительно процедил Хромой Таузендфус, с остервенением вгрызаясь лопатой в неподатливую глину. – Пусть бы поковырялся. Глядь, жир бы и подрастряс.

– И то верно. – Партигген перевалил наверх очередную порцию грунта, воткнул лопату в дно ямы, оперся на нее и попытался рукавом рубахи стереть с лица пот, но добился исключительно того, что покрывавший его рожу слой грязи распределился по ней чуть более рав-

номерно. – Пусть бы и сам староста эту землю поковырял. Небось не загнулся бы от напряжения. А то...

– Нет, ну клянусьдохлым орком! – взвился Ушастый. – Стража на частоколе, Вислоух, кузнец с подмастерьем, старичье, звонарь... Это ж сколько народу еще можно сюда пригнать! Так нет же! А мы тут надрывайся, как неродные!

– Шаха еще нет, – сообщил Маультир.

– Как нет?! – возмутился Вассеризель. – Почему нет?

– А он еще того... После вчерашнего... Дрыхнет еще, – ехидно заметил Жаба. – Небось до вечера так и проваляется.

– Провалется?! – Ушастый швырнул лопату под ноги и принялся выбираться из ямы. – Я ему сейчас покажу «провалется»! Я его всю дорогу до пастбища на пинках...

– Стой! – Кругляк попытался придержать Ушастого за край рубахи, но получилось это у него не совсем удачно – Вассеризель съехал вниз вместе с полупудом земли, за которую он цеплялся. – Праздник же у парня.

– Праздник был вчера, – хмуро заметил Жаба. – И вообще – пить надо меньше. А то дорвался, понимаешь. Правы были Отцы-Основатели – рано вас, сопляков, в семнадцать к спотыкаловке подпускать.

– Это его дядюшка Короед постарался, – встрял Маультир. – Выставил бочонок молодого вина, ну, того, что в позапрошлом месяце с ярмарки привез. А у него, у вина-то, нрав ведь известно какой коварный – льется в пасть, словно вода родниковая, а потом бах – и с копыт долой. А Шах-то...

– Сам-то ты, – проворчал Партиген, – можно подумать, давно усами обзавелся. Думаешь, девки не видят, что они у тебя углем подведенные?

– Ха! – Ушастый наконец выкопался из-под устроенного им обвала, но, к немалому удивлению остальных, не стал извергать по этому поводу проклятий, а наоборот – радостно осклабился.

– Я тут подумал, – сообщил он. – А ведь во всех Дудинках один Шах про это, – Ушастый мотнул головой в сторону драконьих туш, – ничегошеньки не знает. Вот смеху-то будет, когда он вечером проснется!

На этой реплике достоверно восстановленный ход беседы обрывается и вряд ли когда-либо будет продолжен. Если до нее показания всех говоривших были четкими и непротиворечивыми, то после слов «вот смеху-то будет» они моментально становятся сбивчивыми и путаными. Поэтому точно определить, кому же именно принадлежала та злосчастная идея, оказавшая столь большое влияние на дальнейшую судьбу как дудинцев, так и многих других обитателей Запустенья и иных земель, установить невозможно. Может быть (и даже вероятно), тайна сия ведома богам, но, как известно, боги очень неохотно делятся своими тайнами с кем бы то ни было, в том числе и с другими богами.

* * *

За всю свою жизнь Шах никогда раньше не предполагал, что самый обычный луч солнца – не такой уж и яркий – может вызвать столь жуткий приступ боли, причем не только в глазах, но и в голове. Вслед за головой взвыло все остальное тело. Шах было попытался озвучить эти ощущения соответствующим воплем, но звук, который он сумел выдавить наружу, даже за слабый стон мог сойти лишь с очень большой натяжкой.

– Вроде просыпается, – произнес кто-то, стоявший в изголовье, и эти слова мигом приняли грохочущим эхом носиться от одного шахова уха до другого: «Просыпается, просыпается, рыпается, ается...»

– Точно, просыпается, – согласился второй голос. – Ишь, какую рожу-то скорчил. Ему б щас кисленького чего-нибудь али солененького.

– Да где ж я после вчерашнего-то возьму солененького с кисленьким? – возразил первый голос, в котором Шах, несмотря на гроыхание, начал узнавать что-то до боли – и еще какой! – знакомое. – Все, почитай, что было, то и подмели. Разве что у соседей спросить...

– И то верно. Слышь, Хеннок, сгоняй-ка к Плющикам...

Прозвучавшие имена показались Шаху смутно знакомыми, но попытка вспомнить что-либо поподробнее немедленно аукнулась еще более жутким приступом головной боли.

– Но я ж тоже хочу видеть...

– Цыц! – прикрикнул второй голос. – А ну дуй... Когда старшие говорят.

До Шаха донесся дробный топот, после чего на некоторое время воцарилась совершенно замечательная, можно даже сказать, блаженная тишина.

В какой-то момент Шах даже попытался провалиться обратно в забытие, из коего его вывело нечто холодное и мокрое, настойчиво тыкавшееся прямо в губы.

– Откушай огурчика-то, – настырно бормотали сверху. – Он хороший, огурчик-то. Враз полегчает.

Невероятным усилием Шах сумел разжать стиснутые намертво зубы и даже слегка прикусить просунувшийся между них предмет.

Первая капля холодного огуречного рассола, попавшая на раскаленную пустыню языка, должна была, по идее, немедленно испариться. Но за ней последовали другие, которые проделали в пересохшей гортани Шаха восхитительно влажную дорожку.

– Ы?

Так и не выпустив из зубов огурец, Шах медленно сел и попытался приоткрыть глаза.

Собравшиеся в комнате, числом не менее десяти, дудинцы переглянулись между собой и дружно начали выпихивать вперед дядюшку Подсмейла Корюшку.

– А... А чего я... – вяло попытался отбиться он.

– Тише! – зашикали на него. – Договорились же.

Одарив своих сообщников особо многообещающим взглядом, дядюшка Подсмейл встал перед Шахом, терпеливо дождался, пока тот сфокусирует на нем взгляд замутненных голубых глаз, набрал в грудь побольше воздуха и начал:

– Дорогой Шах! Нет таких слов, какими мы, твои односельчане, могли бы выразить переполняющее нас восхищение. Своим геройским – да, я не побоюсь этого слова, ибо другое здесь неуместно, – именно геройским поступком ты потряс наши души до самого их основания. Никто из нас, – Корюшка широким жестом обвел комнату, – даже и помыслить не мог о том, чтобы в одной деревне с нами мог родиться и вырасти человек, способный на такое! Мы все, как один человек...

– А?

Дядюшка Подсмейл на миг запнулся.

– То, что ты совершил, – снова начал он, старательно пытаясь перекрыть нарастающее за спиной хихиканье, – навсегда...

– А-а... Я что-то совершил? – заплетающимся языком осведомился Шах.

В комнате повисла мертвая тишина.

– Кхы-кхы-кхы, – нарушил ее стоящий справа от Корюшки Нитрам Рожь, старательно пытаясь запрятать за кулаком растекающуюся до ушей ухмылку. – Вообще-то ты...

– Совершил самое великое на моей памяти деяние, – возвысил голос дядюшка Подсмейл, краем глаза с ужасом наблюдая, как трясущийся от хохота Нитрам перегибается пополам.

– Ты принес нам самый дорогой дар, который только есть на этом свете – свободу!

– Какую... свободу? – выдохнул Шах.

Даже сквозь туманную завесу продолжавшейся головной боли до него начало доходить, что вокруг происходит что-то глубоко не то. И именно он является центром этого самого происходящего «не того».

– Свободу от самого гнусного, зловещего, коварного и ужасного поработителя, какого только знал Мир! – громко, ибо смешки за спиной также становились все громче и громче, провозгласил Корюшка. – Древнего проклятья наших предков, нас и благодаря тебе уже не наших детей – черного дракона Грааугржимерюканга!

– Ч-чего?

– ...Без всякого оружия ты вышел на ратное поле и голыми руками одолел саму смерть, мчавшуюся на тебя с распахнутыми крыльями. И когда первый дракон рухнул с небес...

– Гляньте! – выкрикнул стоявший в углу Эмиль Глаумат, который ясно чувствовал: еще одно слово, еще миг речи дядюшки Подсмейла, и он сам не хуже дракона рухнет и забьется в истерику. – Его руки! На них нет даже царапин! Это чудо!

– Чудо! Чудо! – подвывающими голосами поддерживали его остальные. – Истинное чудо! Дядюшка Подсмейл схватился за горло, словно собрался придушить себя на месте.

Кто-то снаружи заколотил по окну.

– В самом деле, – прохрипел Корюшка, продолжая хвататься за горло. – Там же все, почитай, Дудинки собрались. Народ, понимаешь, хочет видеть и знать своих героев.

– Боги, – простонал Шах. – Дядюшка Подсмейл, о чем вы? Опомнитесь. Я... Старый Грау... Герой... Я же ничего не понимаю!

– А тебе, – заявил Нитрам Рожь, – вовсе и не надо ничего понимать. Ну-ка, парни, помогите герою подняться.

На крыльце свет был еще более убийственно ярким, но, прежде чем Шах успел зажмуриться, на него с визгом налетело что-то цветное и пахучее, яростно расцеловало в обе щеки, впилось в губы и напоследок повисло на шее.

– Шахок! – радостно завопило это «что-то», и Шах с ужасом осознал, что Морри Харрикейн, Морри-Тайфун, одна из самых красивых девушек села, о робком прикосновении к которой он до сегодняшнего дня лишь тайно мечтал, висит у него на шее.

– Я всегда знала, что ты станешь кем-то великим. И... – Морри несколько раз моргнула своими синими глазами и потупила их – не из скромности, как подумал Шах, а исключительно для того, чтобы не дать ему разглядеть плясавшие там смешинки. – Знаешь, на самом деле ты мне уже давно нравился. Честно-честно.

– Морри, – если бы Шаха не поддерживали, он бы рухнул прямо на крыльце вместе с девушкой. – Я...

– Дорогу старосте! Дайте пройти старосте!

Собравшаяся вокруг толпа чуть раздалась, и из нее важно выплыл Обер – в праздничном церемониальном наряде, надевавшемся им всего несколько раз в год.

– С-староста, я... – успел побулькать Шах, прежде чем Морри заткнула ему рот очередным поцелуем.

Вислоух спокойно дождался окончания поцелуя, поднял вверх священный посох Отца-Основателя и, запрокинув голову, провозгласил:

– Слава герою!

– Слава! – подхватила толпа вокруг. – Слава! Слава!

Обер терпеливо подождал, пока крики и свист постепенно затихли.

– Я очень рад, – начал он, – что именно в этот год, год моего скромного управления, среди нас нашелся человек, чье имя и подвиг, вне всякого сомнения, прогремят на весь Мир. Ибо даже в древних летописях эльфов немного отыщется деяний, каковые могли бы сравниться с тем, – посох описал плавную дугу и обвиняюще уставился на Шаха, – что совершил сей отважный юноша.

– Б... Боги... – простонал Шах.

На какой-то миг его озарила спасительная мысль, что все происходящее – это просто сон, вызванный все тем же злосчастным молодым вином. Но все вокруг было настолько ярким и реальным...

– Так пусть же герой, – провозгласил староста, – сам посмотрит на дело рук своих. Слава герою! Слава!

– А-а-а! – отозвалась толпа, вознося Шаха над собой.

Пару часов назад, когда стало окончательно ясно, что закончить рытье могил до наступления темноты не представляется возможным, Обер приказал прекратить раскопки и бросить все силы на сооружение временного частокола вокруг туш. Поэтому тела обоих драконов предстали ошеломленному взору Шаха во всей своей первозданной красе.

– Но... как... кто...

– Ты, ты! – дружно заверила его группа поддержки.

– Нет! – в отчаянии Шах схватился за голову. – Нет, этого просто не может быть!

– Но ведь есть! – проорал ему кто-то в самое ухо и для пущей убедительности подкрепил свои слова могучим шлепком по спине.

– Но я этого не помню! – завопил Шах.

– Зато мы помним! – проорал все тот же голос. – А нам, твоим односельчанам, виднее, чего ты делал, а чего – нет!

– Либо я сошел с ума, – пробормотал увлекаемый поближе к драконьим телам Шах, – либо свихнулся все вокруг.

Он не вспомнил еще об одной, наиболее вероятной возможности – свихнуться мог сразу весь Мир.

* * *

Перед самым рассветом с западной стороны дудинского частокола слетел какой-то небольшой предмет, при более пристальном рассмотрении оказавшийся полупустым дорожным мешком. Дежурные на башнях, занятые в основном придерживанием челюстей во время очередных зевков, не заметили ни его, ни маленькой серой фигурки, ловко спустившейся следом.

Шах – а это был именно он – подхватил мешок и опрометью рванулся к темневшим неподалеку зарослям бесполоха.

Спустя пять оч-чень долгих для него минут он выбрался на один из двух трактов, кое-как соединявших Дудинки с остальным Миром, и в последний – как он сам наивно полагал – раз оглянулся на родное селение.

– Я должен, – пробормотал Шах. – Я должен, должен, должен.

Кому, что и сколько именно он должен, не знал ни сам Шах, ни даже боги. Однако если бы эти боги вдруг захотели наградить его даром магического взора, то, обернувшись, Шах без особого труда смог бы различить на фоне разгорающегося восхода растянутый в радостной ухмылке лик Судьбы.

Как известно, этот жестокий бог тоже иногда любит пошутить.

* * *

В пылу боя Шон даже не заметил, что его убили.

Конечно, кое-кого этот факт может весьма сильно удивить. Смерть, причем не чья-нибудь, а своя собственная, – вещь, которую не заметить довольно сложно при всем желании. Однако наш мир, сотворенный кучей различных богов, каждый из которых преследовал при

его создании свои собственные цели, порой ведет себя весьма загадочно, а уж Запустенье и вовсе не из тех мест, где можно рассчитывать на то, что загробная жизнь будет хоть самую малость поспокойнее догробной.

Итак, меч Черного Паладина сверкнул на солнце перед самым лицом Шона, и... вроде бы ничего не произошло. Шон даже не успел удивиться. Он продолжал драться, тем более что Черный Паладин, проведя один удачный выпад, вдруг замер, уставясь на что-то, возникшее у Шона за спиной. Простоял он так не больше мига – именно столько потребовалось Шону, чтобы разрубить его от плеча до поясницы, после чего Шон прыгнул вперед, разворачиваясь на лету.

В первый момент ему показалось, что Черный Паладин просто пытался сблефовать – ни черного дракона, ни плевоскропа, ни даже завалящего колдунца на поляне не наблюдалось. А затем Шон увидел на окровавленной траве свое собственное тело и голову – отдельно от него.

Зрелище было еще то.

Шон с размаху плюхнулся на землю и старательно потряс головой, не той, понятно, что лежала на земле отдельно от тела, а той, которая по какому-то неизъяснимому капризу богов оставалась у него на плечах.

– О-хо-хо-хо-хо...

Он внимательно осмотрел себя. Одежда на «нем» была точь-в-точь такая же, как и на безголовом трупе. Руки по-прежнему сжимали рукоять меча, привычно ощущая каждую шероховатость.

– Б-р-р-р!

Есть от чего свихнуться. Шон огляделся вокруг в поисках лошади Черного Паладина, из-за набитых седельных сумок которой и начался бой. Если в этих сумках завалялась бутылка хоть какого-нибудь вина... Да хоть чертова эликсира! Любой жидкости, которой можно промочить горло! Однако проклятой твари нигде не было видно.

Шон заскрипел зубами.

– Ну почему это должно было случиться именно со мной?

– А почему бы и нет? – отозвался кто-то рядом с Шоном и сам же ответил: – По кочану.

Шон вскочил, рубанул по останкам Черного Паладина и заозирался вокруг.

– Ну, чего прыгаешь, как козел? – грубо осведомился неизвестный.

– Да кто ты такой? – взвыл Шон. – Покажись, прах тебя побери!

– Прах меня и так поберет, – откликнулся голос. – А показаться я не могу. Облика у меня нет. Я – твой Совесть.

– Врешь. Совесть я пропил в день, когда мне стукнуло тринадцать.

– Тогда ты меня пропил в первый раз, – обвиняющим тоном заявил голос. – Последний – когда тебе исполнилось сорок три. А всего за эти годы ты пропивал, проигрывал в карты, топил в реке, душил, закапывал, травил и умерщвлял меня десятками иных способов чetyреста тридцать семь раз.

– Живучий же ты гад, – заметил Шон.

– Еще бы, – мрачно отозвался голос. – Я же не чей-нибудь, а великого героя Шона А'Фейри. Знаменитой на все Запустенье Рыжей Погибели. Еще бы мне не быть живучим.

– А что ж ты молчал до сих пор?

– А ты хоть раз дал мне заговорить? – возмутился Совесть. – За всю жизнь ты не совершил ни одного совестливого поступка.

– Как же! – обиделся Шон. – Не далее как неделю назад я по пьяни подарил одной шлюхе кошелек с десятью золотыми!

– И это ты называешь совестливым поступком?! – Если бы Совесть все-таки имел телесный облик, то этому облику сейчас угрожала серьезная опасность лопнуть от возмущения. – Да ты... ты...

– Теперь я понимаю, почему после двух кувшинов меня всегда тянуло стать проповедником, – проворчал Шон. – Не иначе как твое влияние.

– Одно меня радует, – заявил Совесть. – Я от тебя наконец избавился.

– Это почему же?

– Да потому, – завопил Совесть, – что у покойников нету совести. А ты покойник, покойник, покойник, покойник...

Судя по интонации вопля, если Совесть и сожалел о чем-то, так это о невозможности сплясать на Шоновых останках что-нибудь зажигательное.

– Ктрегуруп, – выдал Шон одно из своих любимых ругательств, которое в переводе с современного драконьего означало: «Три тысячи необычайно крупных клопов-вонючек, сдохших примерно неделю назад».

– Если я покойник, то что «это»?

– Твое тело, баран.

– А я?

– А ты, – медленно, смакуя каждое слово, произнес Совесть, – просто ничтожный, жалкий, никому не нужный призрак. И я страшно рад, что из всех наложенных на тебя проклятий великие боги решили остановиться именно на проклятии Федырюкчинса!

– Какое, какое проклятье? – переспросил Шон.

– Федырюкчинса, – повторил Совесть. – Того самого старого, больного, несчастного дракона, которого ты со сворой тебе подобных убил в самом начале своей карьеры за пригоршню, о нет, даже не золота – серебра!

– Ты хочешь сказать, – взвыл Шон, который наконец вспомнил старого дракона, равно как и сумму, доставшуюся ему после дележа сокровищницы, – что я обречен леший знает на что из-за тридцати сребреников?! Да на это даже бога приличного не купишь!

– Именно, – сказал Совесть и исчез.

Некоторое время Шон тупо вслушивался в окружающую тишину.

– Старый навозный жук, – выругался он после продолжительного молчания. – По справедливости ты должен был быть на моем месте. Ведь это ты, мой Совесть, должен был за все отвечать!

Однако Совесть Шона уже не интересовался мнением своего бывшего хозяина. Он был далеко-далеко, в том заманчивом раю, куда попадают Совесть всех подонков, мерзавцев, прелюбодеев и прочего неприятного в общении люда и нелюда. Учитывая те муки, которые Совесть снес за время жизни Шона, его в этом раю должны были как минимум канонизировать.

Шон посидел еще немного, прислушиваясь, не пожелает ли еще кто-нибудь сбежать с затонувшего корабля, но остальные чувства либо еще не обрели столь ярко выраженную индивидуальность, либо предпочли удалиться молча.

Мысли, которые заходили навестить Шона в сей скорбный час, были сплошь мерзкие и гадостные. То есть те, которые может навеять вид собственного обезглавленного тела. В конце концов Рыжей Погибели это надоело, и он решил, что было бы совсем неплохо похоронить себя.

Хотя при жизни Шон никогда бы не называл в числе своих загробных занятий рытье могилы самому себе, справился он с этим довольно быстро. Могилу он выкопал глубокую и, как решил Шон, вполне уютную. Поверх своих бранных останков он насыпал величественный холм, вершину которого увенчал мечом, после чего отошел полюбоваться на дело рук своих. Получилось неплохо.

Но, чем больше Шон смотрел на свою могилу, тем больше грызло его какое-то смутное беспокойство. Что-то во всем этом было неправильно.

В конце концов Шон оглянулся по сторонам, вздохнул, выдернул меч из холма и повесил его на спину, точь-в-точь как он это делал при жизни. Стороннему наблюдателю, если бы таковой присутствовал, показалось бы, что меч повис в воздухе.

– Ты-то как лежишь, так и будешь лежать, – сказал Шон могильному холму. – А мне добрый меч пригодится. Еще.

Возможно, лежащий в могиле покойник и мог бы возразить что-либо по этому поводу, но Шон не стал проверять – случится это или нет. Он повернулся и, не оглядываясь, зашагал прочь.

* * *

На вурдалака Шон наткнулся у самой дороги. Тот был настолько увлечен своим занятием – сидением в засаде, что вряд ли заметил бы Шона, даже если бы тот был живым и во плоти. Впрочем, хотя сам Шон теперь спокойно проходил сквозь любые заросли, висевший на его спине меч цеплялся за них ничуть не хуже, чем его хозяин при жизни. Однако, как уже было сказано, вурдалак был очень занят.

Надо заметить, что вурдалаки пользуются заслуженной нелюбовью всех, включая даже сородичей по кровопийству. Дракон, демон, человек, гoblin или вампир при встрече с вурдалаком поведут себя совершенно одинаково – прибьют его на месте. Единственное, что может удержать разумное существо от убийства вурдалака, – это уровень свойственной этому существу брезгливости.

Вурдалак, на свое несчастье оказавшийся на пути у Шона, был редкостно отвратен даже по сравнению со средним представителем своего вида. Выглядел он как жертва Магии Массового Поражения, причем всех пяти видов одновременно. Кожа его – точнее, те ее куски, которые еще сохранились, – была бледно-серого цвета в зеленых пятнах. Впрочем, кожа вурдалака – это единственная его часть, на какую можно было смотреть, не рискуя лишиться всего выпитого и съеденного, начиная со вчерашнего ужина.

Занят же этот омерзительный тип был тем, что, тихо шипя и приплясывая на месте от нетерпения, поджидал, пока его ни о чем не подозревающий обед подойдет поближе.

Однако именно в тот момент, когда вурдалак приготовился к прыжку, на его горле внезапно сомкнулись две невидимые, но вполне реальные ладони. И последнее отвратительное дело, которое упырь успел сделать в своей жизни, – это умереть под противный хруст ломаемых шейных позвонков.

На всякий случай Шон продолжал откручивать голову твари до тех пор, пока она с мерзким чавкающим звуком не оторвалась от тела, после чего зашвырнул ее подальше в заросли, а тело разрубил на несколько десятков кусков. Для полной гарантии невоскрешения твари надо было бы развести под этими кусками хороший костер, но, во-первых, лето выдалось на редкость сухое, и небольшой погребальный костер мог запросто перерасти в здоровенный лесной пожар, а во-вторых, добыть огонь Шону было нечем. Поэтому он ограничился тем, что нанизал останки вурдалака на сучья соседних деревьев. В этом случае жаркое летнее солнце должно было стать его союзником, так как воскреснуть из вяленой вурдалачины ничуть не менее затруднительно, чем из хорошо прожаренной.

Завершив изничтожение мерзкого отродья, Шон наконец обратил внимание на бедного странника, который только что едва не удостоился сомнительной чести стать главным и единственным пунктом обеденного меню.

Странник, выглядевший, как самый обычный деревенский паренек, медленно брел по дороге, усиленно оглядываясь по сторонам и шарахаясь то вправо, то влево – в зависимости от того, с какой стороны дороги доносился очередной страшный звук.

Пареньком этим был Шах.

Нельзя сказать, чтобы вид Шаха удивил Шона очень сильно. В конце концов, Шон А'Фейри и при жизни-то мало чему удивлялся, а уж приключившееся с ним за сегодняшний день даже у эльфа могло начисто отбить способность удивляться чему-либо. Однако вид Шаха его, скажем так, заинтересовал.

Дело в том, что передвигаться по дорогам Запустенья было, мягко говоря, небезопасно. Кроме разнообразной лесной живности и нежити, мечтающей в основном о завтраке, плавно переходящем в ужин, на дорогах Запустенья встречались:

Герои. Как явствует из примера Шона, встреча с героем, особенно героем поиздержавшимся, могла весьма нежелательно сказаться на здоровье встретившегося.

Разбойники. Банды разбойников могли состоять как из существ одной расы: людей, орков, гоблинов или темных эльфов, так и быть смешанными. Кроме этого, были банды, объединявшие, например, верующих в какого-то одного бога, банды, состоящие из бывших наемников, окончательно утративших статус воинского подразделения, а также банды амазонок. С теми, кто им попадался, разбойники поступали по-разному, однако процент выживших практически всегда оставался прискорбно низок.

Слуги Темных Сил. Поскольку ни разбойники, ни чудовища не интересовались цветовой принадлежностью своих жертв, слуги Темных Сил, равно как и Светлых, а также богов, придерживающихся нейтралитета, как и вообще не верующие ни в кого, старались перемещаться по дорогам большими, хорошо вооруженными группами.

Купцы. Хотя торговля с Запустеньем была делом весьма и весьма рискованным, тем не менее старая истина о том, что в таком отвратительном месте обязательно должно быть что-нибудь крайне ценное, способствовала весьма оживленному товарообороту. Чтобы уменьшить риск, купцы объединялись в караваны, каждый из которых охранялся небольшим войском наемников. Впрочем, однажды одного такого [небольшого] войска хватило, чтобы наголову разгромить армию одного из королей, который попытался содрать с проходившего по его землям каравана дополнительную пошлину. Хотя даже и с такой охраной успешно возвращался в среднем один караван из пяти, желающие отправиться в новое путешествие пока не переводились.

Крестьяне. Поскольку купеческие караваны посещали только более-менее крупные поселения, жители остальных были вынуждены изредка выбираться за пределы родной ограды в гости к своим более удачливым соседям. Делали они это, естественно, большими, хорошо вооруженными группами.

Чудовища. Перечислять всех встречающихся в Запустенья чудовищ можно долго, тем более что многие из них не известны за его пределами, а кроме того, продолжают появляться новые. Правда, не стоит обвинять во всем богов – немалую долю ответственности за это несут также маги. Наиболее часто на дорогах Запустенья встречаются тролли. В принципе можно даже признать, что их деятельность в какой-то степени полезна, поскольку тролли строят мосты, под которыми и живут. Однако в последнее время мест, нуждающихся в наличии моста, стало значительно меньше, нежели троллей, поэтому молодой тролль обычно начинает строительство моста с того, что выкапывает на дороге яму.

Нельзя сказать, что по дорогам Запустенья не перемещался в одиночку вообще никто. Кроме героев, к слову, весьма многочисленных, в одиночку иногда ходили маги, которые по тем или иным причинам не воспользовались более удобными, а главное, безопасными способами передвижения – телепортацией или, например, ковром-самолетом. Кроме магов

и героев, по дорогам Запустенья в одиночку могли рискнуть пройти только самоубийцы – до первого поворота, за которым их, как правило, поджидал кто-нибудь изголодавшийся. Увиденный Шоном паренек явно не был магом, чуть менее явно – героем, а вот насколько он походил на самоубийцу, Шон сказать не мог, так как ни разу в жизни не встречал самоубийцу. Наоборот, все, кто попадался на дороге [ему], как правило, старались убить именно [его], а не себя.

Некоторое время Шон просто наблюдал за зигзагообразным перемещением Шаха. А затем ему в голову, очевидно по ошибке, пришла одна забавная мысль, от которой он сначала беззвучно расхохотался, затем нахмурился, а после пожал плечами.

– В конце концов, – сказал Шон, обращаясь к развешанным для просушки останкам вурдалака, – я все равно не знаю, чем мне теперь заняться.

Глава 2

Как совершаются подвиги

По меркам Запустенья, Хамилог считался вполне приличным городом. Конечно, по сравнению с городами Королевств или Забугорья назвать его настоящим городом, не покрывив при этом душой, было сложно. Однако следует учесть тот факт, что и в Королевствах, и в Забугорной Империи даже те поселения, которые, безусловно, могли именоваться городом, старались как можно дольше сохранить статус деревни.

Связано это было с тем, что звание города в этих высокоцивилизованных краях, кроме сомнительного повода для гордости, приносило еще и множество дополнительных налогов, а их и без того было немало. Но о налогах, податях и прочих изобретениях человеческой цивилизации постоянные жители Запустенья знали только понаслышке – от купцов и прочих странников. Хотя формально они и считались подданными Королевств, ни одно из них еще не управлялось настолько спятившим властителем, который бы попытался собрать налоги с Запустенья.

Дело в том, что для самого сбора и последующей охраны собранных денег в местности, кишасей всякими и всяческими чудовищами, потребовалась бы столь большая армия, что расходы на ее содержание намного перекрыли бы любую ожидаемую прибыль. Не говоря уж о том, что для такой армии немедленно бы нашлось куда более нужное и выгодное дельце гораздо поближе.

Что же касается настоящих повелителей Запустенья – многочисленных драконов, колдунов, великанов и прочих страшилищ, то они вопреки слухам о своей неразумности управляли своими подданными весьма здраво и никогда не драли с них трех и более шкур. Возможно, это было связано с тем, что королям, императорам и прочим властителям в большинстве случаев абсолютно безразлично, что достанется их преемникам после их скорой кончины, а чудовищ, которые отличаются весьма большой продолжительностью жизни и вообще умирают крайне редко и неохотно, весьма заботит вопрос своего пропитания в ближайшую тысячу-другую лет.

В этом вопросе Хамилогу также крупно посчастливилось. О его владельце, черном маге Гаргидрурге, не было никаких известий уже лет тридцать, однако перед этим он оставил о себе столь недобрую память, что ее, по прикидкам хамилогцев, должно было хватить еще на полсотни лет безбедного житья. Мало кто из окружающих охотников до чужого добра верил в то, что такой мерзкий, злобный и подлый тип, каким был Гаргидрург, мог окочуриться сам по себе, без активной помощи со стороны. А поскольку никто из героев или конкурентов черного мага не взял на себя ответственности за его убийство, следовательно, Гаргидрург либо просто-напросто дрыхнет очередным летаргическим сном, либо с головой ушел в какие-то очень черные магические опыты и временно перестал интересоваться окружающим его миром.

Впрочем, последний вариант жителей Хамилога также вполне устраивал. Видимых последствий магических опытов они не замечали, а на невидимые им было, мягко говоря, наплевать.

За тридцать лет спокойной жизни Хамилог разросся и по числу домов, если считать таковыми ВСЕ его домишки, мог поспорить с такими уважаемыми городами Запустенья, как Плешийград или Чертзадерий. В тот исторический момент, когда Шах удостоил его своим посещением, в нем было даже на два городских атрибута больше, чем обычно.

А именно: Базар, раскинувшийся на Базарной Площади, точнее, на Базарном Выгоне, поскольку большую часть года это поле служило хамилогцам для выпаса скота, и Заведение

мадам Ляфорели, расположившееся в шатре неподалеку. По мнению большинства хамилогцев, как приехавших на Базар, так и обитавших в нем постоянно, это заведение придавало Хамилогу тот налет порочности, который они считали неотъемлемой частью каждого уважающего себя города.

Что касается постоянных достопримечательностей Хамилога, то главным и самым заметным из них являлась городская башня. Не заметить ее было действительно трудно – сложенная из серого камня башня возвышалась над Хамилогом на добрых двадцать сажень и за прошедшие с момента ее постройки три сотни лет ничуть не покосилась. Хамилогцы очень гордились этим фактом, хотя, если разобраться, гордиться должны были строившие башню гномы. Башня соединяла в себе функции сторожевой, пожарной – хоть хамилогцы так и не удосужились учредить у себя пожарную команду, но все время собирались это сделать, – ратуши, тюрьмы, казармы городской стражи и прочих как действующих, так и будущих служб, без которых немыслимо существование никакого города. Правда, некоторые города умудряются обходиться без них, но остальные считают это исключением, только подтверждающим правило.

Второй, куда менее заметной постоянной хамилогской достопримечательностью был трактир.

Шах осторожно обошел громадную лужу, посреди которой блаженно развалилась не менее огромная свинья, и, задрав голову, уставился на вывеску трактира. Идущий за ним Шон осторожно попробовал ступить на воду и, убедившись, что в его нынешнем состоянии поверхность воды ничем не отличается от толстого льда, тоже обошел лужу вокруг.

Шах умел читать. Этому сложному и для многих загадочному искусству его обучил бродячий жрец, и до недавнего времени это было единственное, чем Шах мог заслуженно гордиться.

Как ни странно, Шон тоже умел читать. Правда, он получил это умение благодаря искусству играть в кости, находясь при этом в изрядном подпитии. Волшебник, у которого он выиграл, был куда менее стоек в обращении со спиртными напитками, но заклинание он составил на редкость удачно, и оно сохранило действие даже после смерти своего носителя. Как бы то ни было, именно Шон первым прочел трактирную вывеску, гласящую:

«Чертова печенка. Трактир Старого Тромба»

С немалым трудом осилив эту надпись, Шах некоторое время стоял перед дверью, задумчиво почесывая затылок. Наконец, когда Шон уже начал терять терпение (что вообще с ним происходило довольно быстро), Шах решился и, протянув руку, осторожно коснулся двери.

Шон тяжело вздохнул. Когда в трактиры входил он, это происходило следующим образом: сначала внутрь влетала дверь. Следом за дверью влетал кто-нибудь из прохожих, если таковые имели несчастье подвернуться Шону под руку. А затем на пороге показывался он, Рыжая Погибель, и, издав свой знаменитый клич, бросался в уже поджидающую его свалку. И уж никогда, сколько Шон себя помнил, он не пробовал **ОСТОРОЖНО** открыть дверь в трактир.

Дверь тоже явно не привыкла к подобному обращению. Она сильно отличалась от всего здания, больше всего напоминавшего приземистый, прочный пенек, под которыми так любят селиться древесные гномы. Собственно, именно древесными гномами оно и было построено. Основным пожеланием заказчика при строительстве была максимальная устойчивость и прочность конструкции снаружи, а главное – изнутри. Наоборот, дверь была задумана, спроектирована и сделана так, чтобы ее вынос сопровождался минимальным ущербом для всего остального здания и, как следствие, минимальными усилиями для выносящего. Поэтому дверь даже не сразу поняла, чего, собственно, от нее хотят. А поняв, начала двигаться – медленно и сопровождая каждый дюйм пути ужасающим скрипом.

Когда дверь отворилась настолько, что Шах смог протиснуться в образовавшийся проем, на вход были направлены не только взгляды тех, кто к моменту его появления еще оставался на ногах, но и большинства тех, кто уже успел сползти под столы и проснулся именно от этого, столь непривычного и неприятного звука.

Зрелище, представшее их затуманенным взорам, вызвало в трактире тихую и нездоровую сенсацию. Даже сам старый Тромб оторвался от протирания грязной кружки куда более грязной тряпкой и озадаченно глянул на протиснувшегося в дверь паренька.

Согласно большинству ходивших о нем сплетен и слухов, до того, как стать трактирщиком, Тромб был весьма известным воином, а по мнению некоторых, даже героем. И действительно, ловкость, с которой он управлялся в своем трактире, в частности, с проблемой освобождения карманов и кошельков посетителей от мало-мальски ценного содержимого, наводила на мысли если уж не о бывалом вояке, то уж о многоопытном мародере наверняка. Однако забредавшие иногда в Хамилог герои не смогли ни подтвердить, ни опровергнуть эти слухи, а сам Тромб на вопросы о его прошлом отмалчивался, причем таким образом, что у спрашивающего не только пропадала всякая охота задавать новый вопрос, а вообще узнавать что-либо о прошлом Тромба, даже если ему об этом будут рассказывать насильно.

Одно было ясно – повидал Тромб ой как немало. Однако зрелище, представшее его глазам – как левому, простому, так и правому, из магического стекла, удивило даже его.

На первый взгляд, вошедший был самым обычным деревенским пареньком. Это было удивительно само по себе, поскольку обычные деревенские пареньки не заходили в трактир Тромба **НИКОГДА**, а другие крестьяне если и отваживались на это, то толпой не меньше десяти душ. При этом они старательно выбирали то время, когда в трактире было как можно меньше народу – желательно, вообще никого. Поздним вечером базарного дня в трактир не осмелились бы войти не то, что крестьяне, а и большая часть городских обывателей.

Однако куда больше Тромба поразил меч. Меч висел за спиной паренька, на потертой кожаной портупее, в добротных ножнах с бронзовыми заклепками. Двуручная рукоять, на полсажени возвышавшаяся над макушкой паренька, была сделана из чьей-то там кости и надежно обшита кожей – судя по цвету, драконьей. Обшить рукоять настоящей драконьей кожей мог позволить себе далеко не всякий воин и даже не каждый герой. Но мечтал об этом каждый. Стоила же такая рукоять, как мгновенно прикинул Тромб, примерно столько, сколько весь его трактир, включая посетителей. Одним словом, при первом же взгляде на этот меч любому понимающему человеку становилось ясно, что на совести у меча не один десяток много кого и он этим ничуть не тяготится, а наоборот, в любой момент готов молнией вылететь из своих удобных ножен и разить. Насмерть.

Эта парочка – паренек и меч – настолько не гармонировали между собой, что несколько наиболее опытных завсегдатаев трактира начали потихоньку пробираться к выходу. Они еще не знали, в чем дело, но жизненный опыт Запустенья подсказывал, что от любых странностей, непонятностей, несообразностей и тому подобных вещей нельзя ожидать ничего, кроме неприятностей.

Тромб моргнул и озадаченно протер магический глаз. На долю секунды ему показалось, что стоящий в дверях парнишка словно раздвоился – какое-то неясное шевеление возникло у него за спиной. Но когда протирка закончилась, никакого шевеления уже не было.

Тромб моргнул еще раз.

Старею, тоскливо подумал он. Вот и глаз барахлить начал. Видать, из-за погоды.

Он тяжело вздохнул. Что ж, драка началась бы с минуты на минуту в любом случае, а паренек... Ну, паренек, может быть, даже успеет дойти до стойки и заказать миску похлебки. Может быть, даже успеет за нее заплатить, если очень повезет.

Шах собрался с духом и двинулся к стойке, стараясь обходить посетителей как можно дальше и, упаси боги, никого не задеть. Шон ухмыльнулся и двинулся следом за ним, жалея

только об одном – что, будучи призраком, он не может мимоходом сграбастать со стола кувшин с вином.

Стойка, в начале пути казавшаяся Шаху столь же недостижимой, как Большой Бугор, с каждым шагом становилась все ближе и ближе. Наконец Шах почти уперся в нее носом. С трудом оторвав глаза от пола, он поднял голову – и натолкнулся на крайне недружелюбный взгляд стоящего за стойкой человека, который, по-видимому, и являлся самим Старым Тромбом. Глаза у Тромба были разноцветные.

– Чего желаете? – осведомился трактирщик тоном, явственно намекающим, что лично он желает сегодня на ужин какого-нибудь деревенского паренька поупитаннее.

– М-миску похлебки, – выдавил Шах. – П-пожалуйста.

При слове «пожалуйста» трактирщик непроизвольно поморщился.

– Два гвеллера.

Стоящий рядом с Шахом Шон также поморщился. За спиной у Шаха раздался какой-то неясный, но весьма недовольный гул. Однако его немедленно перекрыл рев с одного из ближайших столиков:

– Поставь ему миску молока, Тромб. Пусть полакает.

Шах медленно обернулся и в наступившей тишине с ужасом услышал, как его собственный голос произносит:

– Заткни свои слова в свою поганую пасть и вытри ее бородой!

«Но ведь я не хотел говорить этого! – пронеслось у него в голове. – Я вообще не хотел ничего говорить. А уж тем более такое. Я так никогда раньше не разговаривал!»

Услыхав ответ, здоровенный верзила, из которого запросто можно было надеть минимум четырех Шахов, взревел не хуже мамонта, вскочил, придавив при этом столом своих недавних собутыльников, и двинулся вперед. Увидев надвигающуюся на него гору, Шах отступил назад и оперся об стойку.

А Шон, увидев столь большую мишень для пинков, радостно ухмыльнулся.

Когда до верзилы оставалось не больше двух шагов, правая рука Шаха сама по себе рванулась вперед и вверх, увлекая все остальное тело за собой.

Раздался короткий, сухой треск.

Медленно, величественно туша верзилы взмыла в воздух, проплыла над рядами столов и с жутким чавкающим звуком врезалась в стену под самым потолком. Долю секунды туша повисела там, а затем со страшным грохотом рухнула на пол.

В зале раздалось дружное «ох». Тромб снова протер глаза и озабоченно посмотрел на стену – гномы строили прочно, но на такие удары даже они не рассчитывали. К его облегчению, мореные дубовые доски выглядели вполне целыми.

Шах пораженно уставился на свою правую руку. Он был готов поклясться чем угодно, что даже не коснулся верзилы – тот взлетел, словно сам по себе.

Внезапно что-то с силой толкнуло его в правый бок. От этого толчка Шах потерял равновесие и растянулся на полу, больно ушибив себе при этом локоть.

Двум наступавшим на него приятелям верзилы пришлось значительно хуже. Их союзник, приготовившийся напасть на Шаха сзади, не успел остановить удар и обрушил свой стол прямо на их головы. Хотя Тромб старался не делать мебель, которую должны были разнести в любом случае, особо массивной, определенный запас прочности у стола был. Во всяком случае выбраться из-под груды обломков не пытался никто.

Шон пнул опешившего столOMETателя в крестец, отправив его на самый верх созданной им же кучи, и, издав свой знаменитый клич, который, к сожалению, слышали только окрестные кошки и собаки, с восторгом ринулся вперед.

Когда полминуты спустя трактирщик рискнул выглянуть из-за стойки, драка была в самом разгаре. Большинство находящихся в трактире предметов и существ внезапно разу-

чилились ходить и дружно пришли к выводу, что полет является единственным достойным способом передвижения.

Но больше всего поразил Тромба тот факт, что паренек не только не лежал пластом на полу, а даже ухитрился проводить на ногах большую часть времени. Хотя сам Шах был уверен, что он всего-навсего пытается уклониться от летающих повсюду тел, наметанный глаз трактирщика мигом определил, что именно он является центром и, судя по всему, основной движущей силой бушевавшей в трактире бойни.

Тромб тяжело вздохнул. Хотя появившееся за годы спокойной жизни брюшко и врожденный инстинкт самосохранения всячески умоляли его не покидать надежного укрытия под стойкой, он все же решил попытаться хоть ненамного приуменьшить список потерь.

Перехватив поудобнее увесистую ясеневую дубинку, на счету которой было немало разбитых черепов, трактирщик пригнулся и короткими перебежками двинулся вдоль стены. Однако ему удалось сделать только несколько шагов. Пол его собственного трактира внезапно взбрыкнул и, крутанувшись, выдернулся из-под ног. В последний момент Тромб успел увидеть, что падает он лицом как раз на собственную дубинку, а затем у него в голове беззвучно взорвалась расцвеченная редкими звездами темнота.

Весть о том, что в трактире Старого Тромба идет невиданная доселе потасовка, преодолела неполные две сотни шагов, отделявших трактир от башни, всего за каких-то восемь минут, что по меркам Хамилога было самым настоящим чудом.

Услышав эту весть, командир дежурного отряда стражников десятник Кроллер Свон тяжело вздохнул.

Больше всего на свете десятник Кроллер Свон не любил куда-то спешить. В юности он, бывало, страдал из-за этого качества, поскольку к тому моменту, когда он прибывал на пожар, от горевшего строения обычно оставалась только груда дымящихся головешек. Однако, повзрослев, Кроллер пришел к выводу, что вообще-то любой пожар – это просто большой костер. А раз так, то и огорчаться не из-за чего.

Но на этот раз проблема была куда более серьезной. Ведь трактир Тромба помимо всего прочего был единственным в городе местом, где можно было разжиться более-менее качественной выпивкой. Следующим по значению источником была местная ведьма матушка Мюрриваль, а одна только мысль о том, что за каждой каплей живительной влаги придется тащиться аж на Лосиное озеро, где стоял матушкин домик, вызывала у десятника и подчиненных ему стражников предынфарктное состояние. Это не говоря о том, что самогон матушка гнала, если верить слухам, из заячьего помета, отвара из лягушек и прочих, вне всякого сомнения, полезных природных ингредиентов, которые тем не менее почему-то никто не желает есть добровольно.

В общем, подстегиваемый этими или другими схожими соображениями, отряд стражников прибыл к трактиру в рекордный для Хамилога срок – спустя всего сорок две минуты с начала драки.

Это окончательно позволило сегодняшнему дню превысить среднегодовую норму отпущаемых на Хамилог чудес.

Зрелище, открывшееся взорам стражников, заставило их сбавить шаг, теснее сплотить ряды и покрепче перехватить оружие.

В дверной проем трактира мягко лился золотистый свет. Ему ничто не препятствовало в этом, поскольку дверь трактира, в которую отчаянно вцепился какой-то тип, валялась посреди улицы. Еще два бездыханных тела были аккуратно уложены на крыльце – каждое на своей ступеньке.

Изнутри трактира не доносилось ни единого звука.

Вдохновленные этим обстоятельством стражники взобрались на крыльцо, тщательно вытерли сапоги об импровизированные коврики и осторожно заглянули внутрь.

Это было **НЕЧТО**.

Кроллер Свон и его подчиненные были давними знатоками и ценителями великого искусства трактирной драки. Хотя в последние годы в Королевствах, под влиянием, вне всякого сомнения, загнивающей культуры Забугорной Империи, некоторые малоопытные любители начали позорить это достойное и уважаемое всеми развлечение использованием так называемых шпаг, до Запустенья эти новомодные штучки еще не дошли. А даже если бы и дошли, то, скорее всего, были бы встречены крайне неодобрительно. Жители Запустенья были людьми простыми и старались придерживаться традиций. А традиционная, классическая форма трактирной борьбы была крайне простой – бей всех подряд чем под руку попадется.

Шон А'Фейри считался большим мастером трактирной борьбы.

Весь пол в трактире Старого Тромба был покрыт аморфной массой, основными составляющими которой были: обломки мебели, осколки посуды, еда и питье, наглядно демонстрирующие практически все предлагаемое Тромбом меню, самые различные вещи, принесенные в трактир неосторожными посетителями, и тела. Некоторые из тел еще пытались пошевелиться. Все это было тщательно перемешано между собой.

Слой, устилающий пол, был весьма неравномерен. Местами он утончался почти до толщины пролитого супа, зато районы, где кипели особенно жаркие схватки, были отмечены величественными курганами, достигавшими высоты в половину человеческого роста.

Эту грандиозную панораму отгремевшей битвы нарушали своим присутствием двое.

Одним из этих двоих был Рыжий Шон А'Фейри, который опирался на стену и, скрестив руки на груди, любовался на учиненное им побоище. Но его стражники увидеть не могли. Зато они прекрасно видели деревенского паренька, стоявшего посреди разгромленного трактира **НА СВОИХ НОГАХ** и судорожно сжимавшего в руках полупустой дорожный мешок.

Обозрев расстилавшуюся перед ним картину, Кроллер Свон судорожно сглотнул, чтобы хоть как-то смочить враз пересохшее горло, и почувствовал необходимость что-нибудь сказать.

– Тромб, ты живой? – осторожно спросил он, глядя в середину зала.

– Нет, – донесся приглушенный голос трактирщика откуда-то справа. – Мертвый.

Кроллер с ужасом уставился на место, из – точнее, из-под – которого исходил этот замогильный глас, и снова сглотнул набежавшую слюну.

Около этой стены битва была особенно жаркой. Курган, большую часть которого составляли тела и полки, был одним из самых высоких во всем трактире. Вершину его, подобно могильным плитам на курганах древнеэльфийских королей, венчал здоровенный обломок стойки.

– Тромб, – почему-то шепотом спросил Кроллер, наклонившись к подножию кургана. – Ты здесь? Ты не ранен?

– Крол, ты идиот, – прохрипел подмогильный голос трактирщика. – Я не ранен, я убит.

Свон облегченно вздохнул и махнул рукой своим стражникам. Соединенными усилиями они разрыли часть западного склона и извлекли из-под кургана полузадохнувшегося трактирщика.

Оказавшись на поверхности, Тромб первым делом проверил сохранность стеклянного глаза. Глаз был на месте. Зато на лбу прямо над ним медленно разгорался огромный, величественный синяк – следствие падения на ясеневую дубинку. Еще один синяк, поменьше и неизвестного происхождения, трактирщик обнаружил на челюсти. Дальнейшее исследование он решил прекратить за ненадобностью – ниже головы болело все тело, начиная от шеи и заканчивая большими пальцами ног.

– Ну, как ты, Тромб? – озабоченно поинтересовался Кроллер.

– Там, – прошамкал трактирщик, придерживая рукой пострадавшую челюсть. – В углу.

– Что?

– Шундушок. В нем две бутылки. Одна зеленая. В ней вино. Возьмете себе.

– Нисс! – скомандовал Кроллер.

Стражник опрометью бросился в угол.

– Шинюю, – продолжил трактирщик, отрывая от рубахи одного из павших в борьбе роковой длинный лоскут, – принесете шуда. Не вдумайте пить. Там примоска.

– Вот.

Запыхавшийся Нисс протянул трактирщику бутыл с примочкой, одновременно пытаясь выгрызть пробку бутылки зеленого стекла.

Тромб ловко откупорил синюю бутыл, плеснул пахучую жидкость на тряпицу, приложил ее ко лбу, закрыл глаза и блаженно улыбнулся.

– Послушай, Тромб. – Кроллер осторожно тронул трактирщика за плечо. – А что здесь, собственно, произошло?

Не открывая глаз, Тромб наугад ткнул бутылкой с примочкой в середину зала.

Кроллер Свон медленно повернулся, обозрел указанный трактирщиком район и недоуменно уставился на давешнего деревенского паренька, который все еще торчал посреди трактира, прижимая к себе свой дурацкий мешок.

– Но, Тромб, – начал он, поворачиваясь обратно к трактирщику: – ведь не может...

Тромб плеснул на тряпицу новую порцию примочки.

– Может.

Кроллер Свон повернулся, посмотрел на мальчишку в третий раз. Только теперь он обратил внимание, что палка, торчащая у того из-за спины, – это рукоять отличнейшего двуручного меча.

– Ты хочешь сказать, что этот погром...

– Большую часть этого погрома, – Тромб постепенно приходил в себя и даже сделал попытку усмехнуться, – я пролежал, будучи погребенным под останками собственной мебели. Однако мой военный опыт гласит, что последним на поле боя обычно остается победитель.

У Кроллера Свона в очередной раз пересохло горло. Он выхватил из лап своих подчиненных бутыл и несколькими глотками осушил ее почти наполовину. Доброе вино слегка взбодрило его, и Свону удалось, хоть и с немалым трудом, уместить в своей голове мысль, что величайшее на его памяти трактирное побоище учинил какой-то деревенский молокосос, неизвестно зачем таскающий на спине отличный боевой меч. О последствиях, которые влекла за собой эта мысль, Свон даже не стал задумываться. Это можно было отложить на завтра, а Кроллер Свон никогда не делал не медля то, что можно было отложить, и уж тем более не собирался нарушать это правило именно сейчас. В конце концов, он всего-навсего простой десятник.

Осознание этого факта, как ни странно, обрадовало Свона впервые за последние двенадцать лет. Он еще раз приложился к бутылке и зашагал к пареньку, стараясь по возможности не наступать на чью-нибудь голову.

– Пойдем.

– Куда?

– В тюрьму, понятно. – Кроллер недоуменно уставился на пареньку и выдвинул самый, на его взгляд, веский аргумент: – Тебе ведь надо где-то переночевать?

Шах горестно вздохнул. Насколько он знал, никто из Дудинок еще никогда не падал столь низко, чтобы его сажали в тюрьму.

А он, победитель драконов, герой и...

– А... там очень страшно? – спросил он и тут же пожалел об этом.

– Где? – не понял Свон.

– Ну... в тюрьме?

– Страшно? – Стражник с недоумением посмотрел на него и вдруг расхохотался: – Да ты что, парень?! Ведь большую часть времени, когда камеры пустуют, в них живем мы, стража. Что мы, себе самим враги?

Шах издал еще один горестный вздох и покорно поплелся за Кроллером.

– Эй, Свон, – окликнул их трактирщик, когда они уже подходили к двери.

– Чего?

– Прежде чем посадишь парня в камеру, – медленно произнес трактирщик, – дай ему ужин. Он ведь заплатил за похлебку.

* * *

Единственное окошко в комнате было настолько узким, что через него не смогла бы сбежать даже плотно пообедавшая крыса. Тем не менее строившие башню гномы сочли необходимым оснастить это окно последним тогдашним архитектурным новшеством – решеткой. Просачивавшегося через все это света хватало ровно на то, чтобы не называть царившую в комнате темноту полной. Однако этот свет обладал одним весьма примечательным свойством – в любое время суток и в любую погоду он концентрировался исключительно на лице стоящего перед столом. Это было весьма удобно для хозяина комнаты.

В данный момент это свойство в полной мере испытывал на себе Шах. Он стоял перед столом и, шурясь, старался разглядеть у сидящего хоть что-нибудь, кроме лысой макушки и сложенных на пузе пальцев.

Сидящий за столом временно – последние пятнадцать лет – пользующийся правами городского головы Хамилога достопочтенный Картопля Фейс, в свою очередь, пытался избавиться от двух нелепых подозрений. Во-первых, у него было странное чувство, что со стоящим перед ним пареньком что-то глубоко не так, а во-вторых, его упорно мучило ощущение, что на его столе кто-то сидит.

В третий раз проведя рукой над столом и убедившись, что там все еще никого нет, городской голова громко прокашлялся и спросил:

– Так кто он все-таки такой?

– Герой, – отозвался Кроллер Свон из темноты позади Шаха.

– Хм, герой? – с подозрением переспросил Картопля, уставившись на Шаха. – Точно?

– А я откуда знаю? – отозвался десятник. – Говорит, герой.

За свою довольно продолжительную по меркам Запустенья жизнь Картопля Фейс повидал большое количество разнообразных героев и считал, что по крайней мере с основными их разновидностями он знаком. Однако героев, настолько походящих на деревенских подростков, ему видеть еще не доводилось.

– И сколько же ты подвигов совершил, а, герой?

Шах вздрогнул, не сразу сообразив, что вопрос задают именно ему.

– Один.

– Хм, один. И что это был за подвиг такой?

Шах попытался собраться с духом.

– Я убил двух драконов, – гордо заявил он.

– Двух драконов в одном бою? – уточнил городской голова. – Вот этим самым мечом?

Шах покосился на лежащий на столе меч, который никто так и не рискнул вытащить из ножен. Об оружии, оттяпывающем излишне любопытным всякие конечности, хамилогцы знали не понаслышке.

– Нет, – признался он. – Меча у меня еще не было.

– А где же ты тогда его взял? – взвыл Картопля.

– Нашел.

– Это пока что первое и единственное, во что я могу поверить, – проворчал городской голова. – Такой меч ты не мог ни купить, ни украсть, ни взять в бою. Ты мог только найти его на дороге, хотя в то, что такой меч мог валяться на дороге, я тоже не верю.

– Но ведь откуда-то он его взял, – робко заметил Кроллер.

– Да наверно уж, – иронически заметил Картопля. – Раз этот меч лежит на моем столе, значит, он непременно должен был откуда-то взяться.

Десятник замолчал.

– Ну ладно, – продолжил городской голова. – Скажи мне вот что. Как ты сумел справиться сразу с двумя драконами, если меча у тебя, по твоим же словам, еще не было?

Шах замялся.

– Не помню, – наконец выдавил он.

От удивления городской голова не только оставил рот незакрытым, но и едва не забыл о необходимости втягивать через него воздух.

Все встреченные им до сих пор герои больше всего на свете любили рассказывать о совершенных ими подвигах, причем делали это с многочисленными подробностями и повторами. Умение рассказать о совершенном подвиге являлось одним из важнейших черт настоящего героя. Тем из них, кого боги по каким-либо причинам обделили этим даром, обычно приходилось либо таскать за собой кого-нибудь, кто бы мог засвидетельствовать факт совершения подвига, либо подкреплять свои слова трофеями.

Оба варианта имели множество недостатков. Добровольцев на роль свидетелей было довольно трудно подобрать – ведь в случае поражения героя им редко удавалось убедить победителя в своем нейтралитете. Что касается трофеев, то предъявлявшие их герои довольно часто сталкивались, например, с нежеланием признать голову обычного орка за свидетельство победы над десятком горных троллей. Поэтому когда до сознания городского головы наконец дошло значение сказанных Шахом слов, он с большим трудом поверил собственным ушам.

На некоторое время в комнатухе воцарилась тишина. Нарушил ее сам городской голова.

– А ты что скажешь? – спросил он у темноты справа от Шаха.

– А что я, по-твоему, должен сказать? – отозвалась темнота голосом Тромба.

– Ну, как это? – Картопля даже растерялся на мгновение.

– Ты ведь за свою жизнь столько повидал, а, Тромб? Неужели ты можешь поверить в то, что он говорит?

– За свою жизнь, – передразнил Фейса Тромб, – я научился доверять только двум свидетелям – своим глазам и синякам на своей шкуре. А сейчас эти свидетели в один голос говорят мне, что способных устроить такой погром, какой устроил в моем трактире этот паренек, из всех известных мне героев не наберется и десятка.

– Ну, это ты уже загнул, Тромб! – возразил Кроллер, который, как упоминалось выше, был давним знатоком и ценителем искусства трактирной драки. – Десяток-то наберется.

– Это я-то загнул?! – возмутился Тромб, который как-никак сам владел трактиром и поэтому разбирался в трактирной драке уж по меньшей мере не хуже десятника. – А давай посчитаем.

– Давай посчитаем.

– Давай!

– Давай!

Трактирщик выступил на свет и демонстративно поднял вверх правую руку.

– Праотца не считаем. Он велик и всемогущ по определению.

– Не считаем, – согласился десятник.

Трактирщик загнул большой палец.

– Черный Джереми.

– Согласен, – кивнул Свон.

– Каин Золотая Секира.

– Согласен.

– Малыш Пенек.

– Угу.

– Тор Троллебой.

– Согласен.

– Рыжий Шон А'Фейри.

– Согласен.

Тромб поднял вторую руку.

– Мышиный Щеголь.

– Говорили, что его великан прихлопнул, – захваченный азартом десятник даже не сообразил, что подсказывает в пользу соперника.

– Говорили, – степенно кивнул трактирщик. – Но пока твердо неизвестно, считаем.

– Считаем.

– Фредди Гоблин. А из женщин, – несколько секунд в душе трактирщика шла молчаливая борьба между мужской гордостью и справедливостью, завершившаяся победой справедливости, – только Красная Оса. И все.

– Ну, как же это – все?! – возмутился Кроллер. – А Гондиг Сундук, а Ханд Громовой Кулак, а...

– Ты сам-то подумай, чего мелешь, – осадил его трактирщик. – Ты бы еще Имперского Паладина назвал. Да если бы Ханд устроил драку в моем трактире, разве от него хотя бы одна щепка осталась?

Кроллер озадаченно почесал затылок.

– Пожалуй, что не осталась, – заключил он, подумав. – Пожалуй, что и от города мало бы чего осталось.

– Ну, это ты сам уже загнул, – вмешался Картопля. Он не был знатоком трактирной драки, но уж в таких прославленных именах разбирался как, впрочем, и любой житель Запустенья. – Хамилог – это тебе не какая-нибудь там дыра вроде Махатала. Уж полгорода бы точно уцелело.

– Это я к тому, – пояснил Тромб, – что в трактире-то у меня драка была мастерская. Ты сам посуди: тридцать семь пострадавших – и ни одного трупа. Всего одиннадцать переломов! Тут чувствуется рука не просто мастера, а, я бы даже сказал, большого мастера.

Картопля яростно потер макушку.

– Так герой он в конце концов или не герой? – жалобно спросил он.

Тромб пожал плечами.

– А какая тебе, собственно, разница? – задал он встречный вопрос.

Несколько секунд Фейс сосредоточенно размышлял над этими словами. Затем на бугристой поверхности, которая по неизъяснимой милости богов вот уже пятый десяток служила ему лицом, проявилось некое радостное оживление.

– И в самом деле, – нараспев произнес он. – Какая мне разница?

В следующее мгновение городской голова развил столь бурную деятельность, что у знавших его не первый год Кроллера и Тромба широко распахнулись глаза. Он **НАГНУЛСЯ** над столом и извлек из его недр лист чистой и сравнительно белой бумаги.

– Итак, – торжественно произнес он. – Тромб, что у тебя?

Трактирщик с трудом оторвал взгляд от листа бумаги и озадаченно уставился на Фейса.

– А?

– Убытков у тебя в трактире на какую сумму? – поинтересовался Картопля таким ласковым голосом, что по спине у десятника забегали холодные муравьи.

– Убытков? – пораженно переспросил Тромб. – А зачем тебе?

– Ну, как же, – все тем же подозрительно масляным голосом пояснил Фейс, – чтобы возместить их.

Мысль о том, что убытки от трактирной драки ему может кто-то возместить, была для Тромба настолько революционной, что он даже не сообразил, к чему именно клонит городской голова.

– Ну, сейчас прямо так я не могу сказать точно, – осторожно начал он. – Мне надо будет сначала поговорить с бригадиром гномов, которые будут делать ремонт. Стулья, например, будут, я думаю, гвеллеров по двадцать, опять же столы никак не меньше сорока, потом лавки...

– Любезнейший Тромб, – пропел Фейс таким медовым тоном, что на этот раз холод пробрал и самого трактирщика. – Не будешь ли ты так любезен назвать мне хотя бы **ПРИМЕРНО** общую сумму нанесенного тебе ущерба.

– А... у... томазов семь, я думаю, там будет, – выдавил Тромб.

В этот момент до него наконец дошло, что в происходящем что-то идет глубоко не так, и он подозрительно спросил:

– А кто мне их будет возмещать-то?

– Я, – ласково пропел Фейс и, дождавшись, пока присутствующие оправятся от шока, добавил:

– Разумеется, после того как взыщу их с непосредственного виновника. С учетом штрафа, налагаемого городской управой, необходимая сумма составляет ровно десять томазов. – Фейс приподнял голову и с улыбкой уставился на Шаха. – Я надеюсь, молодой человек, что вы располагаете этой суммой?

Вопрос был чисто риторический. Все содержимое карманов и кошелька Шаха, если бы оно существовало в природе, должно было бы покоиться на столе Картопли рядом с мечом. Но на столе было пусто.

– Нет? – удивленно поднял брови Фейс, так и не дождавшись ответа. – Какая жалость! Однако должен вам заметить, молодой человек, что вам на редкость повезло. Вы прибыли в наш замечательный город именно в тот момент, когда мы нуждаемся в услугах героя.

При этих словах у Кроллера Свона с громким стуком отвисла челюсть. Тромб ограничился удивленным иканием. И он, и десятник прекрасно знали, что ни в этот момент, ни во все предшествовавшие тридцать лет Хамилог не нуждался ни в каких услугах героя. И все его жители очень надеялись на то, что в ближайшую сотню лет им эти услуги не понадобятся.

– Это в чем этом таком мы нуждаемся? – поинтересовался Свон, как только к нему вернулся дар речи.

– Сколько у нас дорог проходит через город? – задал ему встречный вопрос Картопля. Десятник наморщил лоб.

– Две, – твердо заключил он в результате минутного раздумья. – Тракт на Плешийград и та, что через болото.

– А если подумать?

Кроллер сморщил лоб еще старательнее.

– Ну, три, – признал он спустя еще минуту. – Но ведь на третьей-то...

– Так вот, – обратился Картопля к Шаху, улыбаясь при этом все шире и шире, до тех пор пока в бездонном провале рта не показался единственный, чудом уцелевший передний зуб. – Проблема наша заключается в том, что на одной из дорог, ведущих в наш славный город, обосновалось чудовище, именуемое, если мне не изменяет память, мантикором. И

добро бы, если б оно, как все приличные чудовища, просто взимало плату за проезд. В конце концов, если бы не тролли, все мосты на дорогах давно бы обрушились. Но проклятая тварь тупая, как пень, и злая, как...

– Манतिकор, – услужливо подсказал Тромб.

– Жрет всех подряд, – добавил десятник.

– Ну, так во-от! – взвыл Фейс, будучи не в силах больше выдерживать столь несвойственный ему вежливый тон. – Если ты через три дня принесешь мне голову этого мантикора, я прощу тебе десять томасов штрафа и даже заплачу пять томасов сверх него. Но если ты этого не сделаешь – пеняй на себя! А пока – прочь отсюда!

Все, кто счел этот приказ относящимся к себе, немедленно поспешили выполнить его. Шон встал с протестующе скрипнувшего стола, потянулся, примерился было захватить Картопле по морде, но раздумал и двинулся следом за Шахом.

* * *

Выйдя из башни, Шах зажмурился и на всякий случай покрепче прижал к груди меч.

Вышедший следом за ним Тромб посмотрел на него, вздохнул, обошел вокруг, вздохнул еще раз и с размаху опустил свою лапу на плечо паренька. От этого прикосновения Шах вздрогнул и осел на вершок.

– Пойдем.

– Куда?

Трактирщик вздохнул в третий раз.

– В трактир, куда же еще. Надо ведь тебе куда-то пойти?

Шах не сумел оценить изящество напрочь отсутствовавшей логики рассуждений Тромба и просто поплелся следом за ним.

При свете дня Шах сумел разглядеть немного больше подробностей хамилогской жизни, чем накануне вечером. Например, он выяснил, что стены домов были окрашены не в черный цвет, как ему показалось накануне, а в... не совсем черный. Первоначально основавшие город далекие предки нынешних хамилогцев выстроили эти стены белыми. Но теперь при желании возраст любого дома можно было определить по слоям грязи ничуть не хуже, чем возраст дерева – по годовым кольцам.

Зато относительно огородов Шах ничуть не ошибся – в них действительно не росло ровным счетом ничего. Единственным местом, куда хамилогцы направляли свои сельскохозяйственные усилия, были крыши их собственных домов, а главной культивируемой растительностью – разнообразнейшие сорняки. Таких отборных сорняков, как в Хамилоге, не выращивал никто во всем Запустенье. Особенно впечатляли заросли крапивы, вздымавшиеся над домом Сажи Стова на высоту добрых семи сажень, но и чертополох у Блюя Бороды тоже был неплох.

Надо отдать хамилогцам должное – их расчеты были абсолютно верны и логичны. В самом деле, ну какой уважающий себя дракон потратит ценное пламя на заросшую бурьяном лужайку?

Громадная лужа около трактира за прошедшую ночь никуда не пропала, так же как и лежащая в ней свинья. Когда Шах с трактирщиком проходили мимо нее, хавронья приоткрыла один глаз и попыталась радостно хрюкнуть, но сумела извлечь из себя только «буль-буль», после чего снова заснула. Зато устилавших крыльцо поверженных уже успели убрать. На их месте стоял молодой древесный гном и озадаченно переводил взгляд с лежавшей посреди улицы двери на пустующий проем.

– Когда чинить-то начнете? – осведомился Тромб, проходя мимо.

– Эк, прикинуть, однако, эк, надо! – отозвался гном. – А не то, эк, ежели его, эк, не прикинуть, так оно потом, кряк, и обратно укнет.

– Ну-ну, – скептически заметил Тромб и вошел внутрь.

Шах поднялся на крыльцо следом за Тромбом и замер на пороге, пораженный открывшимся видом.

Внутри «Чертова печенка» изменилась почти до неузнаваемости. Во-первых, поскольку отмыть пол представлялось практически невозможным, гномы просто отодрали тонкие досочки верхнего настила, обнажив при этом массивные, великолепно выструганные доски настоящего пола – без единого пятнышка. Также ни единого пятнышка не было на двух запасных столах, которые Тромб извлек из сарая, тогда как старые столы были изрезаны посетителями практически насквозь.

Вообще из всей прежней мебели в трактире остался только самый большой обломок прежней стойки, который Тромб оставил до тех пор, пока не будет сколочена новая, да кусок одного из столов, изображением на котором Тромб особенно дорожил. На этой доске с большим мастерством и фантазией были изображены человек и эльфка, занимающиеся тем, за что в подавляющем большинстве человеческих и эльфийских королевств карали по-разному, но всегда долго и мучительно. Впрочем, большое количество караемых наводило на мысль о еще большем количестве оставшихся неизвестными закону, и проблема полуэльфов по-прежнему оставалась одной из самых животрепещущих.

При первом же взгляде на этот шедевр настольного искусства Шах покраснел до кончиков ногтей.

– Садись за стол, – скомандовал Тромб. – Сейчас будет еда.

Не отрывая глаз от пола, Шах доплелся до стола и старательно уставился в пустую тарелку перед собой. Он даже не решился поинтересоваться у трактирщика, чем, собственно, тот собирает его кормить.

Запах, внезапно долетевший до его ноздрей, был невероятно, непередаваемо вкусен. Ноги Шаха сами по себе выбросили его из-за стола навстречу дымящейся миске.

– Ч-что это?

Трактирщик расплылся в довольной улыбке:

– Гномий гуляш.

Гномий гуляш! Эти два слова отдаются воистину божественной музыкой в ушах любого, кому хоть раз в жизни доводилось покидать сень родного дома больше чем на день. Гномий гуляш! Любой путешественник даже на краю могилы безошибочно узнает запах настоящего гномьего грибного гуляша с клецками. И чего стоят перед ним все эфирные торты эльфийских кондитеров? Они не согреют в холодную мокрую ночь и не насытят после недели голодного пути. Гномий грибной гуляш с клецками это... у-у-у!

Старый Тромб, на памяти которого было немало ужасных дней, когда кусок сухого пайка, наскоро сотворенного полковым магом из песка, казался ему съедобной пищей, обзаведясь собственным трактиром, приложил немало усилий к тому, чтобы в нем можно было нормально поесть.

Сейчас он с превеликим удовлетворением наблюдал, как Шах с головой ушел в облако вкуснейшего пара, поднимающегося из миски. Из облака донесся drobный перестук ложки о миску. Спустя всего две минуты на столе перед Шахом стояла до блеска вылизанная миска, а сам Шах слегка помутневшими глазами сосредоточенно разглядывал потолок.

Из этой послеобеденной nirваны его вывел голос трактирщика:

– И что ты теперь собираешься делать?

– Выспаться, – отозвался Шах, все еще пребывая в уютно-теплой дреме.

– А потом?

Шах перестал разглядывать потолок и перевел взгляд на трактирщика.

– Не знаю, – признался он. – Наверно, пойду и попытаюсь совершить подвиг.

Услышав эти слова, Тромб на всякий случай ухватился за стойку. Никогда за всю известную ему историю Запустенья ни один герой, пребывающий в том состоянии, которое соответствует здравому уму и твердой памяти у обычных людей, не употреблял выражения типа «попробую» или «попытаюсь» в связи с предстоящим ему подвигом. Даже в самых рискованных и невероятных ситуациях вроде штурма Башни Черного Холма Хайриком Полуэльфом всего с тремя спутниками (о сопровождавшем его пятитысячном войске гномов история предпочла забыть) все участники были абсолютно уверены, что у них **ВСЕ** получится.

Тромб старательно протер свой магический глаз, посмотрел на парнишку и, не увидев абсолютно ничего, пришел к выводу, что паренек в самое ближайшее время станет величайшим героем – если, конечно, каким-нибудь невероятным чудом останется живым.

– А как ты совершил свой первый подвиг? – поинтересовался он.

– Я ведь говорил, что не помню.

– А ты постарайся, – не отставал трактирщик. – Попробуй припомнить, что было перед тем, как ты его совершил.

В этот момент в голову Шаха пришла мысль. Она была невероятной, нелогичной и вообще идиотской, но это была единственная мысль, до которой Шах сумел додуматься, и он ухватился за нее, как за проплывающее бревно.

– Господин трактирщик... – начал он.

– Тромб. Для тебя, малыш, просто Тромб.

– Господин Тромб, не могли бы вы дать мне кувшин самого крепкого напитка, какой только есть в вашем трактире?

– Ты уверен, малыш? – озабоченно переспросил трактирщик. – Напиться в доску – это не лучший способ подготовиться к смертельной битве.

– А я все же попробую, – упрямо повторил Шах.

– Как знаешь.

Тромб заглянул под стойку, пару секунд поколебался между «Дыханьем Дракона» и настоящим забодай-меня-травы и протянул Шаху небольшой запечатанный кувшин.

– Вот.

Шах с ужасом взглянул на пышущую огнем драконью голову, изображенную на боку кувшина, сорвал печать и осторожно отхлебнул глоток.

– Кха, х-х-х, ох, кха, кха!

Ожидавший подобного исхода Тромб успел вовремя подхватить кувшин, не дав его содержимому расплескаться по всему трактиру.

– Крепко, а? – ухмыльнулся он. – Эта штука готовится так: берутся две луковичи, мелко нарезаются, смешиваются с одной четвертью джина и двумя четвертями водки. К этому добавляются два красных перца. Потом все еще раз смешивается, подогревается на медленном огне и настаивается на лимонной корке.

Отдышавшийся Шах стер с лица слезы и молча потянулся за кувшином.

– Ну, смотри.

Первый глоток отозвался в опаленном горле Шаха новой огненной волной. Клокочущая лава прокатилась вниз, полыхнула в желудке и начала медленно подниматься обратно. Добравшись до шеи, она стремительно, словно сквозь открывшийся кратер, рванулась вверх и захлестнула Шаха с головой.

Тромб с удивлением наблюдал за тем, как донышко кувшина поднимается все выше и выше. Наконец оно уставилось почти в зенит... а затем с грохотом опустилось на стойку. Во все стороны брызнули черепки.

– А теперь, – скомандовал Шон А'Фейри, – тащи сюда два, нет, четыре кувшина старого фалернского. И шевели ногами, пока я их не укоротил!

Прежде чем трактирщик успел осознать происшедшую с Шахом перемену, упомянутые ноги, научившиеся за годы военной жизни различать тон приказа в голосе куда лучше головы, вынесли Тромба из-за стойки с такой скоростью, что последние слова он услышал, уже будучи на середине ведущей в погреб лестницы.

Оставшись в одиночестве, Шон зачем-то внимательно изучил свою правую руку, чему-то грустно усмехнулся и, выйдя на середину зала, вытащил из ножен меч.

Появившийся в дверях Тромб, увидев сероватый блеск лезвия, разинул рот и не выронил кувшины, которые прижимал к себе, только потому, что они стоили больше, чем некоторые бочки в его погребе.

Никогда в жизни Тромб не видел знаменитый Серый Туман – легендарную гномью сталь, лучше которой считались только Черный Лед и Белый Луч. Лезвие из этой стали с одинаковой легкостью могло рассечь камень, заговоренную кольчугу, панцирь крабокрыла или спину друга, внезапно ставшего врагом, но еще не подозревающего об этом. Такой меч стоил больше, чем все имущество жителей Хамилога, даже если бы им и удалось найти такого безумца, который заплатил бы им столько, сколько они назначили сами, а не те два-три гвеллера, которые это имущество стоило на самом деле.

Шон несколько раз взмахнул мечом, привыкая к странному ощущению привычного меча в непривычной руке, и поддел ногой один из стульев.

Трах. Обломки стула разлетелись по всему залу. Шон поморщился и поддел второй стул. Трактирщик зачарованно наблюдал за тем, как стул, медленно поворачиваясь, взлетел вверх, завис, на долю мгновения перечеркнулся туманным полукругом и... начал падать вниз, словно сквозь него прошел настоящий туман. Он падал невыносимо долго и наконец, коснувшись пола, разлетелся на две половинки.

Шон А'Фейри удовлетворенно усмехнулся, убрал меч в ножны и только после этого соизволил обратить внимание на замершего в дверях трактирщика.

– Где ты шляется столько времени, проклятая твоя душа?! – взревел он. – Ждал, пока я сдохну тут от жажды?!

* * *

– Как вы себя чувствуете, господин герой? – вежливо осведомился голос из тьмы.

Шах застонал и попробовал приоткрыть один глаз. Ему это удалось, но увидел он немногим больше, чем с закрытыми глазами, потому что вокруг по-прежнему была темнота, усиленная страшной головной болью.

– Выпейте вот это, господин герой, – предложил давешний голос. – Полегчает, по себе знаю.

В поле зрения Шах появилась деревянная посуда.

– С-спасибо, – на всякий случай поблагодарил Шах невидимого собеседника и попытался дрожащими руками ухватить миску. Сделать это ему удалось только с третьего раза.

Питье было кислым. Но оно действительно помогло. По крайней мере, сделав последний глоток и оторвавшись от миски, Шах наконец сумел разглядеть своего собеседника. Им оказался один из стражников Свона.

– Шибко звиняюсь за то, что потревожил ваш сон, господин герой, – продолжил стражник, – но вас желает видеть господин городской голова.

Шах старательно протер глаза и огляделся по сторонам. Он находился в камере башни – той самой, в которой провел прошлую ночь. Как и, главное, за что он здесь очутился, Шах не помнил, как, впрочем, и все, что произошло после того, как он принял ужасное решение

выпить кувшин «Дыханья Дракона» и начал претворять его в жизнь. А судя по стражнику, что-то за это время все же произошло.

– Ежли вы уже достаточно оклемались, господин герой, – не отставал стражник, – то нам лучше пойти, потому как господин Фейс вас уже третий час ждет не дождется.

Сегодня в комнату городского головы просачивалось сквозь зарешеченную щель еще меньше света, чем накануне. Поэтому Шах, который к тому же все еще страдал от головной боли, не смог разобрать выражение лица Картопли – это было достаточно трудной задачей даже при ярком солнечном свете. Однако какие-то новые непонятные оттенки в голосе городского головы он уловил.

– Значит, так, – начал Картопля, глядя куда-то в сторону и зачем-то поглаживая воротник нового суконного кафтана, в котором, несмотря на царящую в комнатенке духоту, он почему-то предпочел сегодня встретить Шаха. – Пятьдесят томасов я тебе, конечно, не заплачу. Хотя бы потому, что таких денег в городской казне просто нет. А заплачу я тебе, – Фейс сунул руку куда-то в недра стола и с грохотом извлек оттуда небольшие счета, – щас сочтем сколько.

Он торжественно водрузил счета на середину стола.

– Драки в трактире Тромба – десять томасов.

– Драки? – переспросил Шах.

– За обе драки, – подтвердил Фейс, – Тромб решил сделать тебе оптовую скидку, да и обстановку новую он еще не всю успел вчера завезти.

Шах сглотнул.

– Заведение мадам Ляфорели – три томаса.

– Сколько-сколько? – жалобно переспросил Шах.

Картопля оторвался от счетов и с подозрением глянул на него.

– Три томаса, – повторил он. – Причем тут тебе тоже повезло. Мадам и ее девочки были так довольны тобой, что не стали предъявлять счет за ремонт шатра... и за порванные платья.

Шах тихо ойкнул.

– И на ремонт повреждений, нанесенных ратуше, – два томаса. Я решил, – Картопля поднял голову и изобразил на своем лице то, что у других людей можно было бы посчитать намеком на улыбку, – не отставать от других в благородстве и признать, что ратуша нуждалась в ремонте.

Шах тихо застонал.

– Итого, – Картопля перекинул еще пару костяшек и с удовлетворением посмотрел на достигнутый результат: – Пятнадцать томасов.

Он сдвинул счета в угол и снова сунул руку в недра стола. На этот раз он проковырялся там значительно дольше, но зато, когда он наконец извлек свою добычу на поверхность, Шах не поверил собственным глазам.

– И пять томасов, – городской голова аккуратно выложил на край стола тускло блеснувшие золотые, – как я и обещал, выплачиваю лично тебе.

Шах потрясенно уставился на монеты. Во всей его деревне никто ни разу не держал в руках столь огромную сумму. Пять томасов, подумать только!

– И вот что, господин герой! – В голосе Картопли появились новые нотки, представлявшие собой нечто среднее между воем и визгом. – У меня к тебе есть одна маленькая просьба.

– Да?

– Прошу тебя, – надрывно провыл-простонал Фейс, – исчезни из нашего города как можно скорее и не появляйся в нем хотя бы еще лет десять!

Шах молча сгреб со стола монеты и ринулся наружу. Городской голова облегченно перевел дух и откинулся на спинку стула. Внезапно он вздрогнул и едва не заорал – кто-то невидимый похлопал его по щеке.

Выбегая из башни, Шах едва не налетел на Кроллера. Десятник хамилогской городской стражи стоял на крыльце и с восхищением разглядывал дверь в башню. Дверь, представляющая собой массивную бронзовую конструкцию, висящую на трех здоровенных петлях, перекосилась, как столб, в который врезался пьяный тролль. Ну а красовавшаяся на ней глубокая вмятина наводила на мысли о проходившем мимо полке наемников, решившем испытать свое новое стенобитное оружие.

– Да-а, неплохо, – одобрительно сказал Свон, поворачиваясь к Шаху и обозревая его с ног до головы. – А ведь по виду и не скажешь.

– А, а кто это сделал? – дрожащим голосом спросил Шах, предчувствуя ответ и от этого ужасаясь еще больше.

Десятник удивленно моргнул.

– Шутить изволите, господин герой.

– Д-дело в том, – от волнения Шах начал заикаться, – ч-что я н-не помню а-абсолютно н-ничего из того, что я д-делал в-вчера.

– В самом деле? – не веря своим ушам, переспросил Свон.

Шах кивнул.

Десятник посмотрел на него с каким-то ошалелым восторгом, несколько раз с фырканьем втянул ноздрями воздух, словно надеялся распознать и запомнить запах такой невероятной удачи, вытер рукавом ступеньку крыльца, сел и набрал побольше воздуха в грудь.

– Значица, так, – начал он. – Вчера вы появились на этой самой площади ровно в полдень, волоча за собой дохлого мантикора. Как вам удавалось волочить его целиком – непонятно, потому как вы его не просто изрубили – вы его, господин герой, мелко-мелко нашинковали.

Десятник перевел дух.

– Бросив мантикора посреди площади, – продолжил он, – вы **ВОШЛИ**, – Кроллер покоился на вмятину в двери, – в башню, ворвались к Фейсу, выволокли его за шиворот наверх и, – Свон задрал голову и посмотрел на верхушку башни, – держали за шиворот аккуратно над этим самым крыльцом до тех пор, пока он не согласился, что назначенная им сумма, как он изволил выразиться, «не просто мала, а прямо-таки смехотворна».

Десятник произнес эти слова с таким восторгом, что Шаху захотелось провалиться сквозь землю.

– После этого, – продолжил десятник, – вы направились в трактир. Там как раз успели установить новую дверь, которую вы и вышибли – почтенным Рэдишем Курокрадом, купцом из Забодайска. Народец, памятуя о прошлом вечере, начал разбегаться, однако вы в трактире не задержались. – Десятник усмехнулся. – Вы взяли пять, если не ошибаюсь, кувшинов старого фалернского и направились напрямик к шатру мадам Ляфорели.

Шах начал медленно краснеть.

– По дороге, – продолжал Кроллер, – вы, судя по всему, успели опорожнить один или два кувшина, поскольку, придя в заведение мадам, вы были так добры, что позволили некоторым посетителем обратиться самостоятельно.

Десятник усмехнулся еще шире.

– Что именно вы там проделывали, – продолжил он, – никому доподлинно неизвестно. Осмелюсь только заметить, что слышно было – на весь город.

Лицо Шаха по цвету вполне могло поспорить с хорошо вываренным раком.

– Все шло, можно даже сказать, почти хорошо, – продолжал рассказывать Свон, – пока вы не собрались уходить. Но когда вы наконец собрались уходить, то случайно задели стойку шатра, и он обрушился. Тогда вы извлекли свой замечательный меч и на весь город объявили о своем намерении «прорубить себе выход из этого чертового шатра».

Десятник восхищенно прищелкнул языком.

– Причем вы увлеклись этим занятием настолько, что выходов прорубили никак не меньше семи.

Чтобы хоть как-то удерживаться на ногах, Шах прислонился к башне.

– После этого вы направились в трактир. К этому времени там уже собрались и те, кого вы изволили поколотить вчера, и почтенный господин Курокрад со своими друзьями. И вот тут-то началось самое интересное...

– Свон! – донесся сверху рык Картопли.

– Сейчас, – отмахнулся десятник. – Так вот...

– Кроллер Свон! – повторился рык. – Если ты сей же миг не оторвешь от крыльца свой паршивый зад и не явишься ко мне... это будет стоить тебе недельного жалования.

Десятник встал, скорчив при этом такую рожу, словно его вырвали из-за карточного стола в тот самый момент, когда он собрался открыть драконье каре.

– Звиняюсь, господин герой, служба.

После ухода десятника Шах некоторое время постоял, хватаясь за стену и медленно приходя в себя. Когда он счел, что оправился от услышанного настолько, что способен передвигаться без посторонней помощи не только ползком, он отклеился от стены и поплелся к трактиру Старого Тромба.

При этом Шах был настолько погружен в тягостные раздумья, что не обратил внимания на тот странный факт, что этим утром Хамилог выглядел значительно более вымершим, чем накануне. Те двое прохожих, которых какая-то жуткая нужда выгнала на улицу в столь ранний час, при виде Шаха побледнели и исчезли столь стремительно, словно в одночасье овладели заклинанием растворения в воздухе.

Зато третий встреченный Шахом прохожий, точнее прохожая, повел себя совсем по-другому.

– Кого я вижу? – раздался радостный визг над самым ухом Шаха, и он с превеликим ужасом почувствовал, что ему на шею в самом прямом смысле слова вешается – о ужас! – девица.

Девица эта, несмотря на то что выглядела даже более помятой и заспанной, чем обычно по утрам, была просто вызывающе красива. Этому в немалой степени способствовали несколько наложенных на нее слоев краски и грима. То, что краска была наложена вчера и за прошедшие сутки успела слегка осыпаться, Шах по неопытности не разобрал.

– А? – Шах опустил взгляд с лица девицы чуть ниже и задохнулся окончательно.

Платье, если это слово было вообще применимо в данном случае, было действительно примечательным. Проектировавший его портной, явный полуэльф, преследовал при его создании две цели – израсходовать на него побольше ткани самых **ПОТЯСАЮЩИХ** расцветок, оставив при этом как можно больше доступного для жадных взоров окружающих. Однако сейчас платье носило на себе следы грубой и поспешной починки, самым главным из которых было то, что его верхняя и нижняя половина ранее никогда между собой не встречались, а потому гармонировали по цвету так, что вполне могли бы послужить прообразом для флага королевства гоблинов – если бы гоблины когда-нибудь сумели его создать.

– Вчера ты был великолепен! – проворковала девица в ухо Шаху, повисая при этом на нем еще больше.

– Все девочки просто в восторге. Даже мадам, хотя она все еще не может простить тебе то, что ты сотворил с ее попугаем.

– А... а что я с ним сделал? – выдавил Шах.

Он довольно плохо представлял себе, что такое попугай и что с ним можно сотворить.

– Ты не помнишь? Ты же выдрал у него из хвоста все перья и засунул их в...

Девица прыснула. Шах застонал и начал оседать на землю.

– Что с тобой? – озабоченно спросила девица.

– Голова болит.

– Бедненький. – Девушка осторожно погладила Шаха по вышеупомянутой голове. – Может, зайдешь к нам? У нас, знаешь ли, большой опыт по части восстановления клиентов. Устроим тебе массаж с горячим...

Шах яростно замотал головой.

– Как хочешь. – Девушка ничуть не обиделась. – Тогда приходи вечером. Мы тебя ждать будем. Придешь?

Неимоверным усилием Шах сумел выдавить что-то вроде «мгм». Напоследок девушка звонко чмокнула Шаха в щеки и двинулась дальше по своим делам.

Отойдя на пару шагов, она вдруг взвизгнула, почувствовав, что чья-то невидимая, но весьма увесистая ладонь с размаху шлепнула ее ниже спины.

На этот раз дверь в трактире Тромба отсутствовала напрочь. То ли ее еще не успели восстановить после полета в компании досточтимого господина Курокрада, то ли Тромб решил повременить с ее установкой до момента отбытия Шаха из Хамилога.

Внутри было почти так же светло и чисто, как вчера. Кроме самого Тромба, как обычно стоявшего за стойкой, словно ничего особенного и не произошло, в трактире был только один посетитель – здоровенный варвар, дремавший за одним из столов. Когда Шах вошел в трактир, варвар оторвал от тарелки лицо, на котором, кроме салата, имелись также многочисленные синяки и шишки, и попытался сфокусировать на вошедшем взгляд своих мутных синих глаз. Как ни странно, ему это удалось, и, судя по всему, он даже узнал Шаха, поскольку лицо его при этом озарилось радостной улыбкой. Он даже сумел прореветь что-то неразборчивое, но весьма одобрительное, однако на этом его силы вновь исчерпались, и варвар рухнул обратно в тарелку, где и захрапел еще громче прежнего.

– Должен сказать, – как ни в чем не бывало начал Тромб, – что с твоей стороны было очень разумно выставить пострадавшим ту бочку вина – после того, как ты исколошматил их до полусмерти.

– Бочку вина? – переспросил Шах.

– По правде говоря, я уже не очень-то надеялся продать все вино из той бочки, пока оно не прокиснет, – продолжал Тромб. – Так что, я думаю, больше, чем полтомаса, она не стоила.

Шах тяжело вздохнул и выложил на стойку один из своих пяти золотых. Трактирщик косо взглянул на монету своим магическим глазом, и она исчезла, хотя руки Тромба – в этом Шах готов был поклясться – были заняты протиранием посуды. Взамен монеты на стойке появилась стопка мелочи.

– Сейчас принесут твой гуляш, – сказал Тромб, пряча очередную протертую кружку куда-то под стойку. – И, кстати, забери свой мешок, пока я не забыл.

Шах с изумлением уставился на свой мешок, появившийся из-под стойки. Со вчерашнего дня мешок здорово располнел и теперь выглядел таким набитым и упитанным, словно в него запихнули копну соломы. А на запахи, которые он распространял вокруг себя, должны были немедленно сбежаться все собаки, кошки и гоблины в радиусе десяти верст.

– Я тут собрал тебе кое-что на дорогу, – заметил Тромб. – Так, ничего особенного. Каравай, пару окороков, три кувшина твоего любимого старого фалернского. Я думаю, что тебе, – Тромб оценивающе взглянул на щуплую фигурку Шаха, – на неделю хватит.

Шах вспыхнул и, сграбастав мешок, утащил к ближайшему столу.

На крыльце раздались чьи-то осторожные шаги. На всякий случай Шах наклонился над пустой тарелкой еще ниже. Варвар продолжал храпеть. Тромб старательно протер оба глаза и с подозрением уставился на вошедшего.

Вошедший выглядел как самый обычный крестьянин. Это было уже довольно странно, а уж после событий последних двух дней и ночей Тромб наблюдал за вошедшим с утроенным вниманием. Пока что посетитель вел себя, как обычно. Он на цыпочках, по большой

дуге, обошел храпящего варвара и подобрался к стойке. Склонившегося над столом Шаха крестьянин просто-напросто не заметил.

– Слыхал, у вас тут герой объявился? – начал он, обращаясь к Тромбу.

Трактирщик облегченно вздохнул и выпустил из рук свою новенькую дубинку, за которую он уже успел схватиться.

– Правду слыхали, – степенно кивнул он. – Объявился.

– А не скажете часом, где его отыскать можно?

– А чего его искать? – усмехнулся Тромб. – Вот он сидит.

Крестьянин развернулся в указанном Тромбом направлении и с недоумением обозрел Шаха, почти уткнувшегося носом в тарелку. Примерно минуту он осмысливал увиденное, затем развернулся обратно к Тромбу.

– Это и есть ваш герой? – сказал он тоном, явственно намекающим на то, что «мы, мол, хоть и из дядевни, но шутки тож понимать умеем».

– Он самый, – безмятежно подтвердил Тромб. – По виду, конечно, не скажешь, но в деле, я вам доложу, – парень что надо. Из молодых, да ранний. Скоро на все наше Запустенье прогремит. Так что, – Тромб по-приятельски подмигнул крестьянину, – ловите момент. Потом вы его днем с огнем не сыщете. А если и сыщете, то уж денег точно не напасетесь. Малыш далеко пойдет.

После каждого слова Тромба спина Шаха выпрямлялась все больше и больше, пока наконец его затылок не уткнулся в рукоять меча. Шах медленно развернулся и посмотрел на крестьянина.

И под внимательным взглядом этих ясных синих глаз тот вдруг ощутил себя крайне неуютно.

– А какие хоть подвиги-то он совершил? – неуверенно спросил он у Тромба.

– Вообще-то он у нас скромный герой, – на полном серьезе заявил Тромб. – И о подвигах своих предпочитает не распространяться. Мне лично доподлинно известно только то, что ему довелось в одном бою голыми руками одолеть двух черных драконов. А на вчерашнего мантикора можете полюбоваться на городской свалке – если, конечно, его еще не растаскали.

Крестьянин посмотрел на Шаха, на Тромба, снова на Шаха... и решил припрятать оставшиеся у него сомнения куда-нибудь поглубже – до поры до времени.

– Нам нужен герой, – объявил он.

– Всем нужен герой, – глубокомысленно заметил Тромб.

– Ну, я герой, – заявил Шах и с ужасом и восторгом осознал, что теперь-то уж точно обратной дороги для него нет.

– Не соблаговолите ли назваться, господин герой?

– Шах, – сказал Шах и решительно повторил: – Шах из Дудинок.

Глава 3

Учиться, учиться и... выигрывать!

В отличие от Хамилога Муходол не претендовал на звание полноценного города. Он им являлся – без всяких там натяжек и «если». В нем проживало около полутора тысяч жителей постоянно и еще столько же – во время знаменитой на все Запустенье муходольской ярмарки. Город был обнесен настоящей каменной стеной, а в сторожевых башнях размещался многочисленный и хорошо оплачиваемый гарнизон, оснащенный всеми возможными смертоубийственными приспособлениями вплоть до катапульти. Однако главным залогом безопасности Муходола и всех находящихся в нем были не стены, а личность его владельца – Великого и Могучего Мага Архана Страшила.

Великий и Могучий Архан Страшила помимо звучного титула обладал множеством других, весьма полезных для своих подданных достоинств.

Во-первых, Архан был действительно Великий Маг.

Во-вторых, разменяв седьмой век, Страшила растолстел и порядочно обленился. Поэтому те редкие деяния, которые он все же совершал, на черном фоне действий прочих колдунов выглядели почти что светло-серыми. Учитывая, что по-настоящему белых магов жители Запустенья никогда не видели, а потому и не верили в их существование, Архан Страшила был для них образцом и лучшим примером светлого и добропорядочного колдуна.

В-третьих же, Архан Страшила был коллекционером, причем коллекционером заядлым.

Из-за этой его страсти подвалы и жилые помещения замка каждые двести лет заполнялись всяческим хламом настолько, что угрожали выселить наружу самого хозяина. Тогда Архан со вздохом брался за магическую метлу и вышвыривал почти все собранное с таким трудом барахло наружу – исключительно затем, чтобы освободить место для следующей партии. Однако из самой главной своей «жемчужины» он не выбрасывал никогда и ничего.

«Жемчужиной» же архановой коллекции были чучела чудовищ.

Именно из-за этого он поселился в столь неудобном для жизни месте, как Запустенье, и именно в эту коллекцию он вкладывал большую часть своей души, времени и магических способностей.

Такого количества и разнообразия экспонатов, как у Страшила, не было нигде в Мире. Коллекции Аллидзога из Перевернутого Замка или Чарда Гарфилда и близко рядом с ней не стояли.

Поэтому все мало-мальски разумные чудовища из всех сил старались не появляться в окрестностях Муходола без крайней необходимости. Никогда ведь не известно наверняка, рассуждали они, имеется ли у Архана в коллекции соответствующий тебе экземпляр или еще нет?

А даже если и есть – выяснится этот факт до момента набивки чучела или уже после?

Те же из чудовищ, которые не обладали способностью воспроизвести подобные рассуждения, довольно быстро заканчивали свою карьеру либо в качестве очередного экспоната, либо, что в последнее время случалось куда чаще, на городской свалке, после того как разочарованный Архан выяснял, что по одному экземпляру представителя этой разновидности у него уже имеется и в основном фонде, и в резервном, и даже в предназначенном для обмена.

Короче, под властью Великого и Могучего Мага Архана Страшила Муходол процветал, и все были довольны – кроме, разумеется, чудовищ, но их мнение никого не интересовало.

Итак, в самый разгар ярмарочного дня базарная площадь Муходола представляла собой беспорядочное скопище палаток, шатров, навесов и просто столов общим числом примерно в тыщу.

Толпа самых разнообразных существ вокруг них толкалась, пихалась, глазела, торговалась, а также занималась еще сотней дел, многие из которых вполне могли бы закончиться прямиком на новеньком, только вчера заново сколоченном муходольском эшафоте, если бы, конечно, три десятка так называемых стражей порядка занимались чем-нибудь, кроме мелкого вымогательства.

Но перед Шахом толпа расступалась.

Сам Шах совершенно искренне полагал, что кишащий вокруг базарный люд и нелюд шарахается в стороны исключительно из уважения к его героическому виду. Ведь на нем были надеты новые сапоги из, страшно сказать, лосомордой кожи, на нем ярко блестела кольчуга из настоящей гномской стали, а из-за его плеча выглядывала рукоять его знаменитого меча. Именно так, по представлениям Шаха, и должен был выглядеть настоящий герой.

Однако он глубоко заблуждался. Настоящих героев на муходольской ярмарке было хоть пруд пруди, а уж одевавшихся «под героя» и вовсе не счесть. Настоящая причина оказываемой Шаху почести заключалась в огненно-рыжей кобыле, которую Шах вел в поводу.

Эту кобылу Шах приобрел вместе с головной болью, проснувшись на следующее утро после совершения своего очередного подвига. Местные жители, наперебой и взхлеб, бросились рассказывать Шаху о том, как он после десяти кувшинов вина выиграл эту кобылу, разрубив напополам здоровенный валун, и, выхлебав еще три кувшина, взгромоздился на нее, после чего бешеная тварь умчала его прочь и вернулась только под вечер – к превеликой радости местного дурачка, выигравшего благодаря Шаху целых семь томасов, поставив на кон всего два сребреника.

Учитывая то, что оборотень, ради которого нанимали Шаха, успел загрызть только трех человек, а кобыла с учетом покалеченных – двенадцать, трудно сказать, какой из подвигов произвел на местных жителей большее впечатление.

Сейчас эта кобыла гордо выступала за Шахом, время от времени злобно всхрапывая и демонстрируя тем окружающим, кто никогда не лицезрел чистопородных адских аргамаков, свою пасть, наполненную множеством острейших клыков. Одним глазом кобыла косила на толпу, явно мечтая дотянуться до кого-нибудь неосторожного если не зубами, то хотя бы заточенным копытом, а вторым – на свою спину. Хотя седло было пусто, кобыле тем не менее постоянно казалось, что на ней кто-то сидит.

Ах да, еще с пояса Шаха свисал кошелек. Он висел так, как может висеть только кошелек деревенского паренька, впервые выбравшегося на городскую ярмарку. Набит был кошелек, как уже неоднократно успели убедиться окружающие, серебром, среди которого часто попадалось золото. Однако муходольские воры при виде этого кошелька тихо скрипели зубами и старались побыстрее проскользнуть мимо. Все они были прекрасно слышаны о том, что произошло с тем воришкой, который не далее, как вчера, попытался срезать столь заманчивый плод у зазевавшегося олуха. Беднягу внезапно схватила за горло невидимая рука и не отпускала до тех пор, пока кошелек и его хозяин не удалились на два десятка шагов. Только тогда рука разжалась, и незадачливый воришка плюхнулся в грязь, жадно глотая воздух и старательно вспоминая, кому из богов он успел задолжать больше остальных.

Хотя воры знали, что большинство подобных охранных заклинаний – дешевые одно-разовые заговоры, они также были слышаны о сложных ступенчатых заклятиях, которые могли слегка придушить только **ПЕРВОГО** покусившегося на охраняемый предмет, а со вторым обойтись куда жестче. Например, оттяпать протянутую, куда не надо, конечность.

Так что кошелек на поясе у Шаха был в такой же безопасности, как если бы он находился в лучшем железном сундуке самого скупого и богатого ростовщика Муходола. Главная опасность его упитанности исходила от его владельца.

– Самые лучшие доспехи! Дешевле, чем везде! Самые прочные, самые надежные! Почти даром! Настоящая гномская работа! – Заметив остановившегося перед прилавком Шаха, продавец, который, если честно, куда больше походил на карликового гоблина, чем на гнома-переростка, которым прикидывался, мигом прекратил заунывно распевать свою песню и зачастил:

– Что-угодно-молодому-господину-у-нас-самые-лучшие-самые-дешевые-такого-выбора-больше-нигде-не-найдете-вот-например-настоящие-мифрильные-перчатки-заговорены-лучшими-магами-как-раз-ваш-размер-всего-за-каких-то-пять-томасов-только-из-уважения-к-такому-великому-герою-а?

Выпалив эту тираду на одном дыхании, гном-гоблин замер и выжидательно уставился на Шаха.

Восседавший на кобыле Шон сплюнул на лысину проходящего мимо жреца и смачно выругался.

Он-то знал, что даже если бы в этих перчатках была сделана из настоящего мифрила хоть одна чешуйка, они бы уже должны были стоить в десять раз дороже.

Не подозревающий об этом Шах рассматривал перчатки с искренним восхищением. Подумать только, перчатки из настоящего мифрила! Как раз его размер, сидят как влитые. И так подходят к его новой кольчуге.

– Берете? – радостно поинтересовался гоблин-гном, почти не сомневаясь в ответе.

Шах со вздохом положил перчатки обратно на прилавок.

– Они мне... велики.

– Не может быть! – совершенно искренне усомнился гном-гоблин и сам натянул перчатку.

Все было в порядке, заклинание Подходящего размера – единственное, действительно наложенное на перчатки и пропадавшее спустя полдня после покупки, – действовало исправно.

– Постойте, может другая пара вам подо...

Но Шаха перед прилавком уже не было.

Хотя ему и очень хотелось приобрести перчатки – равно как и большую часть содержимого лавки, – он прекрасно понимал, что их неминуемо постигнет судьба всех остальных его покупок – замечательного кинжала, украшенного самоцветными камнями, и великолепной эльфийской кожаной безрукавки. Все, что покупал он сам, находилось на нем до очередного подвига, после чего безвозвратно пропадало. Взамен пропавших обнаруживались куда более невзрачные и куда более дорогие вещи – например, самые обычные с виду черные перчатки, за которые Шах, как рассказали ему на очередное утро, уплатил бродячему гному тридцать пять томасов, причем собеседник Шаха был уверен, что гном сильно продешевил. А еще...

В этот момент Шах разглядел в рыночной толчее знакомое лицо, и все мысли о перчатках мигом вылетели у него из головы.

– Дядюшка Фло! – закричал Шах, бросаясь вперед.

Флауэрс Гногги по прозвищу Засушенный неторопливо развернул все свои семь с половиной пудов живого веса, дабы увидеть окликавшего, и остолбенел. Перед ним стоял молодой воин, тащивший на поводе огненно-рыжего адского аргмака. Он был похож на...

– Здравствуйте, дядя Фло, – улыбаясь, сказал Шах.

– Шах... – оторопело выдохнул Засушенный. – Но... Но...

– Я так надеялся встретить кого-нибудь из своих.

Фло опустил взгляд вниз, на носки сапог Шаха, и начал медленно поднимать его, по привычке подсчитывая стоимость увиденного. Получившийся результат примерно вдвое превосходил стоимость всех товаров, привезенных дудинцами на ярмарку. При этом в сумму не вошел конь вместе с содержимым седельных сумок.

Дядюшка Фло припомнил ходившие по ярмарке слухи о новом выдающемся герое по имени не то Шох, не то Шех и содрогнулся.

– Шах, – медленно произнес он. – Ты...

– Ну и как я выгляжу, дядя Фло? – засмеялся Шах. – А?

– Как герой, – выдал Фло и неожиданно успокоился.

В конце концов, ничего из ряда вон выходящего не произошло. Самое обычное чудо, которое в Запустенье приключается довольно часто. Причем пока что последствия этого чуда ничем не угрожали Засушенному – если он, конечно, сумеет первым добраться до тех рядов, где стояли дудинцы, и заткнуть пасти хотя бы самым непроходимым идиотам.

– А где все наши? – спросил Шах.

Дядюшка Фло вздрогнул и махнул рукой в сторону, противоположную настоящей.

– Здорово! – восхитился Шах. – А Морри с вами тоже есть?

Не в силах произнести ни слова, Гногги кивнул, хотя и ему, и Шаху было прекрасно известно, что женщин, а уж тем более молодых девушек в столь опасное путешествие, как поездка на ярмарку, никогда не брали.

– Тогда присмотрите за лошадью, – попросил Шах, бросая ему поводья. – Я сейчас...

И он опрометью ринулся в сторону рядов, торговавших кондитерскими изделиями.

Дядюшка Флауэрс заглянул в пышущие алым пламенем глаза адской скотины и поспешно отступил назад. Кобыла злобно заржала, взвилась на дыбы и, словно прищипоренная кем-то, прыгнула следом за Шахом.

Шах же неся, словно на крыльях. Мысли, одна радостнее другой, о том, как он, великий герой, Шах из Дудинок, в ореоле славы предстанет перед своими опешившими односельчанами, подгоняли его в спину и поднимали над землей.

– Не так быстро, парень!

– О, простите, – пробормотал Шах, несясь дальше.

Какая-то неведомая сила развернула его вокруг оси и приковала к месту.

– Я сказал, не так быстро, парень! – повторил пожилой человек в красном, расшитом звездами халате до пят и длинном остроконечном колпаке, поглаживавший ухоженную белую бороду.

– Простите меня, пожалуйста, господин маг, – попросил Шах, – но я очень тороплюсь. Дело в том, что...

Однако маг не слушал его. Он во все глаза уставился на приближающуюся кобылу Шаха – точнее, на воздух над ее седлом.

– Будь я проклят на тысячу лет! – воскликнул он. – Шон А'Фейри, старый мерзавец, да ты, я вижу, просто наслаждаешься жизнью!

Шон резко осадил бешено храпящую кобылу и злобно уставился на мага.

– Ктрегуруп!

– И это все, что ты можешь сказать при виде своего старинного приятеля, – укоризненно заметил маг и, полуобернувшись к Шаху, добавил: – Старого, доброго Майкла-себе-на-уме, который...

– Э-э... ваше волшебничество, – начал Шах. – Я...

– Ты, – радостно перебил его маг. – Не кто иной, как свежепрославленный герой Шах из Дадинок. Я прав?!

– Из Дудинок.

– Неважно, – отмахнулся маг. – Ага. Так, значит. Ну, теперь мне все понятно.

– Что «все»?

– Долго объяснять, – отрезал маг, пристально вглядываясь в воздух над седлом. – Хотя... Все равно придется. Идите за мной.

– Э-э... многоуважаемое колдунство...

Уже начавший идти маг остановился и строго посмотрел на Шаха.

– Послушайте-ка, выюноша. Либо вы будете переставлять свои ноги сами, либо они начнут ходить независимо от вас, но при этом...

– Я все понял, господин маг, – торопливо заверил волшебника Шах.

Хотя он и не знал, что грозило ему в данном, конкретном случае – а грозила ему вещь исключительно малоприятная, потому что заклинание, перехватывающее контроль над мышцами ног, одновременно расслабляло все остальные мышцы, – он прекрасно помнил третье правило выживания в Запустенье, которое гласило: «Никогда, ни при каких обстоятельствах не спорь с волшебником».

– Ну а ты, – обратился маг к воздуху над седлом. – Тоже сам пойдешь или помочь тебе?

– А не пошел бы ты сам...

– Ну вот, опять грубости, – заметил маг. – Причем совершенно незаслуженные. Я-то ведь исключительно из присущей мне душевной доброты собираюсь накормить вас... Ну по крайней мере одного из вас обедом.

При этих словах окружающая толпа, которая старательно делала вид, что вовсе не прислушивается, да и вообще ни в коей мере не интересуется столь необычным даже для Запустенья диалогом, моментально расступилась, освободив широкий – не меньше пяти шагов – проход к ближайшему обжиральному шатру.

– Значит, так, – сказал маг, неторопливо присаживаясь за стол, с которого при его виде совершенно волшебным образом исчезли не только храпящие посетители, но и все пролитое и выблеванное ими. – Постарайтесь, любезнейший, правильно запомнить, а лучше всего – запишите...

– Но я... – начал Шах.

– Да-с-с, – почтительно просипел хозяин шатра, материализовавшийся рядом с магом, судя по его фартуку, из того самого места, куда только что отправилось содержимое поверхности стола.

– Для начала – шашлыки по-тлакчильски, заливное м'гебе, крученые шалапури, такие, знаете ли, жаренные в масле. Потом флюссе по-окуличски, бутылочку синего касторского и на десерт – эльфийское шоколадное мороженое с орехами. Все это, – маг подозрительно оглядел стол, – на чистом подносе. А моим спутникам...

– Скажите, – робко осведомился Шах, – гномьего гуляша у вас случайно...

– Будет-с, – если бы даже хозяин был чистокровным змеелюдом, он бы все равно не смог изогнуться более волнообразно.

– Будет-с всенепременно.

– Вот и отлично, – кивнул маг.

– Только-с. Придется немного обождать-с, – выдавил продолжающий извиваться хозяин, отчетливо представляя при этом, что из всего вышеперечисленного у него в шатре может отыскаться разве что чистый поднос, да и то – случайно.

– Мы подождем, – сказал маг. – Немного.

– Совсем-совсем немного, ваша ми... – Остаток фразы повис в опустевшем воздухе.

– А пока, – заявил Майкл-себе-на-уме, поворачиваясь к Шаху, – я думаю, тебе стоило бы кое с кем познакомиться. Вот... с ним!

Уже слегка привыкший к загадочным исчезновениям и появлениям вокруг мага Шах тем не менее при виде появившегося на соседней табуретке героя подскочил примерно на сажень и едва не вылетел из-за стола.

– Я так понимаю, что вас друг другу еще не представляли, – продолжал разглагольствовать маг. – Ничего, это дело поправимое. Шах – это Шон, Шон – это соответственно Шах.

– О-очень п-приятно, – выдавил Шах.

– А мне – нет! – проворчал Шон.

– Я думаю, – усмехнулся Майкл, – что у вас найдется немало общих тем для разговора. Например, о том, как твой, Шон, меч оказался за спиной у этого паренька?

– В-ваш меч?! Но... я нашел его на дороге. Честное слово! Он просто лежал себе и...

– Он тебе верит, – «успокоил» Шаха маг. – Держу пари, именно он его туда и положил. Не так ли, Шон? Ага, вот и мой обед идет!

Вышедший из кухни прислужник не успел сделать и пары шагов по направлению к столу – уставленный тарелками и мисками поднос внезапно вырвался у него из рук.

Перепуганный прислужник едва не свалился в обморок, но в последний момент сообразил, что поднос вовсе не упал на пол, а наоборот – взмыл к потолку.

– Сами положили... – продолжал бормотать Шах. – Но... зачем?! И... кто вы такой?!

Вместо ответа Шон плюнул на стол и отвернулся.

– Перед тобой, о вьюноша, – сообщил Шаху Майкл-себе-на-уме, старательно обгладывая шампур, – не кто иной, как великий герой Шон А'Фэйри, как мне очень упорно кажется, покойный.

– У?!

– Проще говоря, – сжалился маг, – призрак.

– Ы?!

– М-да, случай, похоже, из тяжелых, – заметил маг. – Фэйри, ты что, не мог подобрать себе в... э-э... короче, кого-нибудь посообразительнее?

– Ты думаешь, – криво усмехнулся Шон, – у меня был очень большой выбор?

– В любом разе, – маг наконец расправился с последним шашлыком и подтянул к себе заливное м'гебе – блюдо, очень сильно, по мнению Шаха, походившее на болотную кочку, бьющуюся в падучей, и распространявшее вокруг соответствующий запах.

– Ты поступил с пареньком несправедливо.

– Несправедливо?! – сказать, что Шон возмутился, было бы явным преуменьшением – он прямо-таки взорвался от негодования.

– Да ты только посмотри на него!

Маг, а вслед за ним и сам Шон дружно уставились на Шаха, который под их взглядами моментально побледнел, покрылся красными пятнами и прибег к старому, испытанному средству – уткнулся поглубже в тарелку с гуляшом.

– Да если бы не я, – продолжал возмущаться Шон, – то этого... орком недоделанного героя сожрали бы за первым же поворотом!

– Но...

– Молчать!

– Я вижу, – иронически заметил маг, – взаимопонимание у вас полнейшее.

– А ты, – зашипел на него Шон, – ты, троглодит плесневелый, можешь внятно объяснить, за каким орком тебе надо было сунуть свой нос в **МОИ** дела?! Я что, когда-нибудь, хоть один ничтожный раз мешал **ТЕБЕ**?!

– Не припоминаю такого случая, – задумчиво сказал Майкл-себе-на-уме. – Разве что, когда ты спас меня от вайверна.

– Надо было позволить ему тебя прихлопнуть, – мстительно проворчал Шон.

– Если бы я не нес в мешке тринадцать кувшинов вина, – заметил маг, – ты бы, вне всякого сомнения, так и поступил бы.

– Надо было, – повторил Шон. – Орк с ней, с выпивкой, зато тут, сейчас, ты бы передо мной не сидел, развалясь, со своей всегдашней гнусной ухмылочкой. Нет, ну ты, друид прогивший, скажи, зачем ты к нам пристал, а?!

– Если я скажу, – маг задумчиво разглядывал вычурные шоколадные башенки, часть которых уже слегка покосилась из-за подтаявшего мороженого, – что я это сделал исключительно из присущего мне чувства справедливости, ты мне поверишь?

Вместо ответа Шон возмущенно фыркнул.

– Тогда я попытаюсь, – Майкл наконец выбрал самую, на его взгляд, привлекательную башню и аккуратно подцепил ложечкой заостренный шпиль, – объяснить так, чтобы это было не очень далеко от истины и вместе с тем понятно тебе.

– Ну, ну. Попробуй.

Некоторое время над столом висела зловещая тишина.

– Ну! – не выдержал наконец Шон. – Какого же орка ты молчишь?!

– Щас, – пообещал маг, – вот только башню доем!

– Тебе помочь!?

Майкл отправил себе в рот последний кусочек въездных ворот, из-за решетки которых выглядывало искаженное ужасом личико привратника, с тоской поглядел на соседний со съеденным замок и отложил ложечку.

– Творениями эльфов, – укоризненно заметил он, – надо наслаждаться, их надо смаковать, стараясь уловить каждый оттенок, а не заглатывать большими непрожеванными кусками, как это делает, то есть делал при жизни, не будем уточнять, кто.

– А чего их жевать? – удивился Шон. – Если оно само во рту рассыпается. Вот, помню, однажды в Серых горах у меня кончились припасы, а из дичи вокруг – одни грифоны со скорпионами. Пришлось жарить собственные сапоги, по кусочку. Вот их надо было **ЖЕВАТЬ!**

– А варить, – заинтересованно спросил маг, – ты их не пробовал?

– Варить? – задумчиво переспросил Шон. – Вообще-то...

– Эй, – спохватился он, – ты мне зубы-то не заговаривай. Я первый спросил.

– Ах да. Твой вопрос.

– Да, мой вопрос.

– Что ж, – сказал маг. – Попробуюсь. Для начала... Вот скажи мне, о великий Шон А'Фэйри, неужели ты думаешь, что твоя встреча с этим несчастным...

– Не называй его несчастным!

– ...Хорошо, с этим счастливым व्यуношей была случайна?

– Да уж случайней некуда.

– Замечательно, – улыбнулся маг. – А теперь припомни всю свою жизнь и скажи: много ли там было подобных случайностей?

Шон нахмурился.

– Ну, не так, чтобы очень, – признал он после пятиминутной задумчивости. – Можно даже сказать, почти что совсем.

– И большинство таких случаев, – вкрадчиво продолжил маг, – на поверку оказывались...

– ...Происками богов, – скривился Шон. – Нынче этих сволочей столько развелось, что честному герою уже и плюнуть некуда – обязательно в какого-нибудь бога попадешь! А все потому... – Шон осекся и с подозрением уставился на Майкла.

– Ты хочешь сказать, – медленно процедил он. – Что это гоблинское отродье попало мне только потому, что так решил кто-то из этих долбанных небесных слизняков?!

– Ну, я бы не стал утверждать это столь категорично, – сказал маг. – Однако вероятность того, что дело обстоит именно так, весьма и весьма высока. Причем я бы добавил, что могут быть замешаны далеко не самые последние боги.

– Ктрегуруп! – прокомментировал Шон.

– Я бы на твоём месте... – начал маг.

– Клянусьдохлымогром! – одновременно с ним взревел Шон, разворачиваясь к Шаху. – Так, может, меня и убили именно из-за этого недоноска?!

– Ну, это маловероятно, – заметил маг. – На такое мог пойти только действительно могущественный бог, Судьба, например, или хвостатый Ййо. Когда я сказал: «далеко не самые последние», я все-таки имел в виду уровень пониже.

– Навязался тут на мою шею...

– Вообще-то должен заметить, – сказал маг, – что ты с этим выюношей сейчас примерно в одинаковом положении.

– Ты хочешь сказать – в одной и той же куче дерьма?! – осведомился Шон. – Ты прав. Ктрегуруп! Ктрегуруп! Трижды Ктрегуруп!

– На твоём месте я бы употребил выражение «Ктрегуруп в квадрате», – заметил маг. – Или в кубе. Так оно более весомо звучит.

– Да хоть в пирамиде! Что?! Мне?! Теперь?! Делать?!

– Ну, – Майкл-себе-на-уме начал подниматься из-за стола, – я лично посоветовал бы тебе довести дело до конца.

– Чьего конца?!

– Логического, – холодно сказал маг и исчез, оставив после себя только столбик золотых монет, покрытых инеем.

Примерно полминуты оба героя ошеломленно глядели на них.

Первым опомнился Шон.

– Старый гнилозубый вампир, – проворчал он, перегибаясь через стол. – Даже тут пожадничал.

– Но... но ведь... – попытался было протестовать Шах, глядя, как Шон сгребаёт монеты в его кошелёк. – Это ведь плата...

– Запомни, малыш, – медленно произнес Шон, продолжая рыться в кошельке. – Урок первый: цена такому обеду в базарный день – пять, от силы, – он яростно встряхнул кошелёк, – шесть сребреников.

* * *

– Я по-прежнему ничего не понимаю, – признался Шах.

– А что, – иронически осведомился Шон, – раньше ты понимал больше?

– Раньше я не понимал меньше.

– Хорошо, – вздохнул Шон. – В третий раз пытаюсь объяснить...

– Надеюсь, – вздохнул Шах, – чуть понятнее, чем два прошлых.

– Послушай, ты, мокрица безмозглая, – взорвался Шон, – если ты уродился тупее голема и не понимаешь даже самых простых и всем известных вещей, то сиди и слушай!

– А я что делаю?! – возразил Шах. – Сажу и слушаю. Уже больше часа.

Шон скрипнул зубами.

– Ну, так вот, – начал он. – Поскольку нас с тобой явно свел вместе кто-то из Великих Червяков, Сидящих Задницей на Небесах, совершенно ясно, что просто так мы друг от друга не отделаемся.

– Почему?

– По кочану! – припомнив давешнее высказывание своего Совести, отрезал Шон. – От воли богов так просто не отделаешься.

– И?

– Поэтому, – продолжил Шон, – я решил взять тебя в ученики.

– У?!

– В надежде на то, – Шон свирепо уставился на Шаха, – что когда я тебя выучу – если ты, конечно, способен хоть чему-нибудь выучиться, – то эти проклятые божки наконец отстанут от меня и позволят спокойно заняться своими делами.

– Какими делами?

– Гы?!

– Я только хотел спросить, – поспешно пояснил Шах, – какие срочные дела могут быть у призрака? Если они настолько важные, то, может...

– Заткнись!

Шон задумался.

– В любом случае, – заключил он, – я уверен, что присмотр за ополоумевшим деревенским молокососом, который отчего-то возомнил себя героем, не входит в число самых подходящих для призрака занятий.

– А... что входит?

– Слушай, ты, – медленно процедил Шон. – У-че-ни-чок. Задавать мне, своему учителю, вопросы и вообще открывать рот впредь будешь только с моего особого дозволения. Это тебе понятно?

– Ну, – замялся Шах. – Я как-то никогда не думал, что моим учителем будет *призрак* героя.

Шон ухмыльнулся.

– Ты здесь, – он медленно обвел взглядом крохотную комнатку, – видишь более подходящих учителей?

– Нет, но...

– Что же касается призрачности. – Шон неторопливо поднял правую ладонь вверх, сжал пальцы и поднес получившийся кулак к носу Шаха. – Хоть это и рука призрака...

Раздался короткий двойной стук.

– ...врезать она может вполне ощутимо, – закончил Шон. – Затылком сильно ушибся?

– Нет... не очень.

– Все понял?

– Да.

– Да, а дальше?

– Да, учитель.

Шон удовлетворенно кивнул.

– И что теперь, о учитель? – поинтересовался Шах.

– Теперь... – задумчиво протянул Шон. – Хм. Теперь...

– Ты, помнится, как-то хвалился, что умеешь не только читать, но даже и писать?

– Ну, вообще-то...

– Умеешь или нет?!

– Да, учитель.

– «Да» что?!

– Умею, учитель.

– Тогда бегом вниз, – скомандовал Шон, – и приволоки сюда более-менее чистый лист бумаги и это... как его... волшебный самопишущий тростник. Будем составлять список необходимых закупок.

Шах бросился к дверям.

– А потом?

– Это был вопрос?

Шах отпустил дверь, скрестил руки на груди и наклонил голову.

– Простите, учитель.

– А потом, – Шон сладко, от души зевнул, – мы пойдем спать, потому как время уже позднее, а дел завтра нам предстоит великое множество.

– А разве, – удивился Шах, – призраки спят? О, простите, учитель.

– Не знаю, как другие призраки, – усмехнулся Шон, – а я сплю, причем с удовольствием.

– А...

– Ты все еще здесь?

– Уже нет, учитель.

* * *

– Ш-а-а-х.

– Что?

Голос доносился из белого тумана, окружавшего Шаха со всех сторон. Даже... да, ноги тоже висели в этом тумане – и ни на что при этом не опирались.

– Ты спишь.

– Сплю?! А-а, понятно.

– Ты должен запомнить.

– Запомнить что?

– Ты увидишь коня. Сядь на него и скачи...

– Эй, – не выдержал Шах. – А если я увижу нескольких коней?

– Ты узнаешь его, – пообещал голос. – Это великий конь. Он служил многим великим героям. Ты не мог не слышать о нем. Его зовут «Держащийся-с-краю».

– О да, я слышал о нем, – подтвердил Шах. – Великое множество раз. Но... я ведь его никогда не видел.

– Вороной. – В голосе проявились отзвуки эмоций, правда, Шах не был уверен, каких именно. – С белой звездочкой на лбу. Он. Будет. Один. Ясно?

– Сел, поскакал, а дальше?

– Ты встретишь Лиико.

– Так ведь он давно умер, – удивился Шах.

– Неважно. Ты встретишь эльфийского короля и величайшего из героев Лиико Свет Несущего. Он. Будет. Один! Возьми у него то, что он даст тебе, и выполни то, что должен. Ты?! Все?! Понял?!

– Ну... не совсем... – промямлил Шах.

Похоже, источник голоса его попросту не расслышал, поскольку начал стремительно удаляться.

– Ты должен исполнить предначертанное... чертанное... анное.

Шах моргнул... И почувствовал, что он просыпается оттого, что кто-то трясет его за плечо.

– Что они тебе сказали?

– А? – Шах попытался протереть глаза и обнаружил, что он стоит все в том же белом тумане.

– Так я не проснулся?

– Конечно, нет, идиот, – раздраженно отозвался голос.

Это был другой голос. Хотя он доносился откуда-то сверху, у Шаха сразу же возникло ощущение, что его обладатель очень маленького размера – примерно по колено.

– Быстро говори, что они тебе сказали?

– Кто «они»?

– Не имеет значения, – быстро отозвался голос. – Те, кто были здесь до меня. Что они тебе велели?! – На слове «велели» голос почти сорвался на визг.

– Сесть на «Держащегося-с-краю», поскакать вперед, встретить Лиико, забрать у него то, что он мне даст, и выполнить предначертанное, – без запинки отбарабанил Шах и озабоченно осведомился: – А что я, собственно, должен буду выполнить?

– Не имеет значения, – заявил голос. – Потому что предначертанное ими тебе выполнять не придется. Лиико, значит. Посмотрим, посмотрим...

– Да кто вы все, орк вас побери, такие?! – в лучшем шоновском стиле заорал Шах. – И что делаете в моем сне?!

– Не имеет значения, – в третий раз повторил голос.

В следующий миг Шах почувствовал, что идет по чему-то твердому, а спереди доносится дробное постукивание копыт и нетерпеливое ржание.

– Должно быть, это «Держащийся-с-краю», – пробормотал Шах и уставился на выплывшего из тумана коня. – Вороной... звездочка на лбу...

Он осторожно взялся за луку седла, вставил ногу в стремя – конь стоял спокойно, и это придало Шаху храбрости – и решительно вскочил в седло.

Вороной немедленно рванулся вперед, да так, что Шах едва не вылетел из седла макушкой вперед – его спасло только то, что он изо всех сил вцепился в роскошную гриву вороного.

Дикая скачка из ниоткуда в никуда длилась примерно десять минут. Затем «Держащийся-с-краю» постепенно замедлил бег, перешел на шаг... и в этот момент Шах разглядел сквозь туман какую-то неясную фигуру.

– Пресветлый... э-э... король, – начал он.

Фигура подвинулась поближе, и Шах замер с раскрытым настежь ртом.

– Фиора?! – выдохнул он. – Что ты тут делаешь?!

Толстушка Фиора – одна из самых некрасивых дудинских девушек – оглянулась по сторонам и жалобно вздохнула.

– Я должна кое-что отдать тебе.

– Ты?! – поразился Шах. – А... где Лиико?

– Я всенепременно должна передать тебе, – в своей обычной манере зачастила Фиора, – вот эту безрукавку из овчины, две головки свежего сыра и вот этот меч.

– Что?! – переспросил Шах. – Постой, Фиора, мне вовсе не нужна безрукавка, у меня есть прекрасная куртка, и сыр мне не нужен, и меч у меня свой, то есть не совсем мой... И потом, разве это меч?

То, что так настойчиво протягивала ему Фиора, походило разве что на рукоять меча, к которому приделали... приделали...

– Эй, малыш, хорош дрыхнуть! Вставай!

Шах открыл глаза и на этот раз, к своей великой радости, узрел не надоевший до боли белый туман, а ту самую маленькую, тесную – и такую родную – комнатку, в которой он вчера так неудачно заснул.

– Доброе утро, Шон, – радостно отозвался он. – Ты знаешь, то есть ты, конечно, не знаешь, мне приснился такой странный сон...

– Сейчас ты мне его расскажешь, – пообещал Шон. – Потому что я очень хочу понять, откуда в запертой комнате посреди ночи могло появиться... – Шон мотнул головой, и Шах с ужасом увидел лежащую белой грудой на полу безрукавку, из-под которой торчала давешняя загадочная рукоять. Чуть поодаль высились обе сырные головки. – **ЭТО?**

Шах вздохнул и начал рассказывать.

По мере его рассказа брови Шона сдвигались все ближе, пока не образовали совершенно сплошную линию.

– ...и это все, что я помню, – закончил Шах.

– Эге.

Шон зачем-то поднял с пола составленный ими вчера вечером список необходимых закупок и задумчиво уставился на него.

– Значит, так, – заявил он, осторожно беря список за верхний конец. – Сейчас ты...

Р-раз. Списков стало два.

– ...пойдешь в лавку...

Списков стало уже четыре.

– ...и купишь...

Теперь списков было уже восемь.

– ...четыре, нет, шесть колод карт, – закончил Шон и, разжав пальцы, внимательно пронаблюдал за тем, как шестнадцать клочков бумажки, кружась, усеяли пол комнатухи.

* * *

Шон аккуратно подцепил край колоды и ловким щелчком перевернул ее рубашкой вверх.

Шах в ужасе закатил глаза.

– А теперь, – неумолимо продолжил Шон. – Еще раз назови мне все масти. В порядке роста.

Шах тяжело вздохнул.

– Значит... э-э, так, – начал он. – Всего мастей четыре: Свет, Добро, Тьма, Зло. В каждой масти по девять карт.

– Вот-вот, – кивнул Шон. – Их-то мне и перечисли.

Шах зажмурился.

– Свет: гномы, феи, эльфы, нимфы, пегасы, грифоны, единороги, серебряные драконы, фениксы. Ух.

– Дальше.

– Добро: крестьяне, ополченцы, наемники, королевские воины, имперские воины, монахи, рыцари, золотые драконы, добрые маги. Ух.

– Ну, ну, – подбодрил его Шон. – Продолжай. Пока неплохо.

Шах набрал в грудь побольше воздуха.

– Тьма: троглодиты, гоблины, орки, гремлины, огры, вайверны... э-э... ну, эти, которые... На быков похожи.

– Минотавры.

– ...минотавры, красные драконы, колдуны. И Зло: мелкие бесы, бесы, черти, демоны, церберы, черные рыцари, черные драконы, дьяволы. Все!

– Молодец, – подытожил его усилия Шон. – Всего одна запинка – прямо-таки выдающееся для тебя достижение.

Он поднял колоду, несколькими стремительными движениями смешал карты и смахнул десять верхних на доску перед Шахом.

– А теперь, – ухмыльнулся Шон. – Посчитай-ка мне, малыш, сколько взяток у тебя на руках?

– А-а... В какой игре?

– Уже соображаешь, – одобрительно кивнул Шон. – В «свадьбе».

Шах озадаченно уставился в карты.

– Раз, два, три... Четыре верных и одна, э-э, возможно на... на...

– Наигрывается, – проворчал Шон. – Ну-ка, дай сюда.

Он заглянул в протянутые карты и скрипнул зубами.

– Ну сколько раз повторять тебе, сыр ты недопеченный, что рыцарь считается за полвзятки, только когда он сам – третий. А если он, как у тебя, третий, да еще с магом, то он играет обязательно. Это не четыре с крестом, это пять верных, и при таком раскладе можно играть! Понял?

– Угу.

– Что «угу»?

– Я понял, – уныло сказал Шах. – Что я ничегошеньки не понимаю.

Шон отложил колоду в сторону и с любопытством уставился на Шаха.

– А соблаговолишь ли ты, любезный мой у-че-ни-чок, объяснить, чего ты не понимаешь больше всего?

– Я не понимаю, – признался Шах, – почему из-за какого-то дурацкого сна мы вдруг отменяем все наши планы, тратим почти все деньги на заклятье невидимости для тебя, хотя ты и так невидим для всех, кроме магов и меня, и устраиваемся в этот караван. И, наконец, я не понимаю, почему ты решил, что самым важным для меня сейчас является умение играть в карты.

– Ну, – осклабился Шон, – без этого умения твое геройское образование не может считаться полным и законченным. Что же ты за герой, если не умеешь играть?

– Я и пить не умею.

– Что же касается всего остального... По-моему, один раз я тебе уже все это объяснял?

– Да, – подтвердил Шах. – Но я все равно ничего не понял.

– Послушай, у-че-ни-чок, – сказал Шон. – Если мне придется вдалбливать в твою тупую башку **ВСЕ** по два раза...

– А почему бы тебе, – обиделся Шах, – не объяснять попрямнее с **ПЕРВОГО** раза?

Шон вздохнул.

– Ладно. Так и быть, попробую еще раз.

– Я, – скривился Шах, – весь – сплошное внимание, о учитель.

– Этот «дурацкий», как ты выразился, сон, – начал Шон, – был явно послан тебе кем-то из богов. А это, в свою очередь, означает, что они отвели тебе в своих планах какое-то место, хотя зачем им могло понадобиться такое ничтожество – тайна сия велика есть!

– О, как ты мудр, учитель, – пробормотал Шах. – Ты знаешь столько слов, о которых я в жизни не слышал, – и все они непристойные.

– Поэтому, – продолжал Шон, – у меня нет времени пытаться научить тебя хоть чему-то – все равно ты ничему не научишься.

– О учитель, как ты добр!

– И значит, нам нужно добыть для тебя чужое умение.

Шон сделал паузу.

– Всем – кроме, понятно, таких деревенских дуболомов, как ты, – известно, что умение в нашем Море – это такой же товар, как и все остальное. Обычно его завещают по наследству, иногда продают. – Шон усмехнулся. – Но я не думаю, что какой-нибудь старец вдруг восплает к тебе отческой любовью, и у нас нет времени ждать, пока кто-нибудь решит продать умение нужного нам качества. Значит, нам нужно отправиться туда, где оно наверняка есть – и его можно добыть, – Шон оглянулся. – А вот, кстати, и оно.

– Умение?

– Нет. Место.

Караван, на одной из телег которого сидели герои, со скрипом, ржаньем и руганью медленно выплыл из-за поворота, и взорам путешественников предстало небольшое городище, обнесенное многократно латаным частоколом.

«Бриджтаун»... – с усилием прочитал Шах надпись на покосившейся доске, затем посмотрел на соседнюю, ведущую к тем же воротам дорогу, увидел там такую же, только еще более покосившуюся доску и с еще большим усилием прочел: «Покервилль».

– Ну да, – подтвердил Шон. – А если въезжать по третьей дороге, на той стороне городища, то там будет надпись «Префербург».

– А как же он на самом деле называется?

– А как хочешь, так и называй, – ответил Шон. – Местным все равно. Удивительно милые существа, даром что вампиры.

– Что?!

– А что такого? – удивился Шон. – Ты что, никогда не имел дело с вампиром?

– Н-ну... Не-ет!

– На самом деле высшие вампиры – довольно симпатичные, – пояснил Шон и, на секунду задумавшись, добавил: – Если, конечно, они хотят такими показаться. И вообще, многие из моих лучших друзей – вампиры.

– Н-но целый город вампиров...

– Да ладно тебе. Неужели ты думаешь, что они только тем и занимаются, что пьют кровь из приезжих?

– А чем они тогда, – подозрительно переспросил Шах, – занимаются?

– По правде говоря, именно этим, – не моргнув глазом, сознался Шон. – Только более изобретательно. Они кровь покупают.

– У кого?

– У проигравшихся, – пояснил Шон. – Все очень просто. Продувшийся в пух и прах игрок встает из-за стола, бежит, сломя голову, к ближайшему бармену, выцеживает из себя пинту-другую крови и снова бежит к игорному столу, шатаясь под тяжестью золота в карманах. Так что, – закончил Шон, – если увидишь бледного как снег типа с горящими глазами, не надо с воплем шарахаться от него – это не вампир, а всего-навсего невезучий игрок. Вампиры здесь, все как на подбор, лоснящиеся и розовощекие.

– А-а кто т-такие б-бармены? – выдавил Шах.

– О-о! – Шон наставительно поднял палец. – Вот их-то как раз и надо опасаться больше всего. Бармены – это самая худшая разновидность вампиров!

– А...

– Ага! – радостно воскликнул Шон, глядя на приближающиеся ворота. – А вот и первая местная достопримечательность!

Шах послушно устоял в том же направлении и выяснил, что столь восхитившей Шона достопримечательностью был пожилой монах, который стоял в воротах и, словно хоруговь, вздымал над собой здоровенный плакат.

– Оставь надежду всяк сюда входящий, – вслух прочитал Шон и зевнул: – Не смешно. У его предшественника была надпись поинтереснее: «Куда стремитесь, вы, безумцы!»

– Но... но...

Шон оглянулся на побледневшего Шаха.

– В любом случае, – «успокоил» он его, – тут говорится про входящих, а мы въезжаем. Ты когда-нибудь слышал, чтобы в ад въезжали?

– Слышал, – огрызнулся пришедший в себя Шах. – И не раз.

* * *

– Сколько, ты говорил, у нас осталось? – спросил Шон.

– Ровно семь гвеллеров, – уныло отозвался Шах. – Со времен твоего последнего вопроса они не размножились.

– А жаль, – усмехнулся Шон. – Но ты прав. С горстью медяков в казино делать нечего. Да и вообще жить как-то скучновато. Надо срочно найти какого-нибудь местного фразера, который посчитает нас, то есть тебя, за лоха, которым ты на самом деле и являешься, и попытается ободрать, и тогда мы, в свою очередь... Ага, вот!

– Твои охотничьи... – начал Шах, но Шон уже тащил его за рукав навстречу заунывному пению: «Кручу-верчу, всех научу».

Источником сих заунывных напевов оказалось нечто, похожее на женщину, уныло склонившееся над тремя красными колпаками.

Возможно, в другой момент Шаха весьма заинтересовал тот факт, что из одежды на даме присутствовало только несколько дюжин цепочек и браслетов, но в данный миг его гораздо больше занимали руки, а еще точнее – их число.

Их было восемь.

– Правда, здорово, – шепнул ему в ухо Шон. – Ловкость рук – и никакого обмана. Главное, чтобы рук было много.

Увидев, наконец, что перед ней рискнул кто-то остановиться, восьмирукая оживилась и, ловко подхватив разложенные на земле колпаки, под одним из которых обнаружился мирно похрапывающий лепреккон, зачатила:

– Не проходите мимо, не упускайте своего счастья. Один раз пальцем показал, гнома поймал, горшок золота получил. Все просто так, что проще не бывает. – Колпаки медленно покружили в воздухе и шлепнулись на землю. Где гном?

Шах озадаченно оглянулся по сторонам, натолкнулся взглядом на ухмыляющуюся рожу Шона и неуверенно ткнул в правый колпак.

– Уверен, да, – осведомилась восьмирукая и, не дожидаясь ответа, подняла колпак.

По-прежнему мирно посапывающий лепреккон дрыгнул ножкой и перевернулся на другой бок.

– Какой умный мальчик, – восхитилась восьмирукая. – И какой везучий мальчик. Один раз пальцем показал, пять гвеллеров получил, да. – Колпаки покружили немного быстрее. – А теперь где гном?

Шах снова указал на правый колпак. Лепреккон лежал на прежнем месте и просыпаться, похоже, не собирался.

– Нет, ну какой везучий мальчик! – восхитилась восьмирукая, протягивая Шаху очередные пять гвеллеров. – Или это у меня гном такой ленивый? Гноги, совсем работать разленился, да? На тебя люди смотрят, а ты дрыхнешь без задних лап.

– Ну сколько раз повторять, – донесся снизу тоненький голосочек, – без задних ног, да?!

Лепреккон сел, зевнул, потянулся, встал, медленно просеменил под средний колпак и снова улегся.

– А теперь где гном?

Шах уже начал поднимать руку, но в этот момент Шон наклонился, провел рукой сквозь все три колпака и, ослабившись, указал на правый – тот самый, из которого гном только что выбрался.

– А... – начал Шах, увидел, как ухмылка Шона превращается в бешеный оскал, и, поспешно захлопнув рот, указал на нужный колпак.

– Этот? – озадаченно переспросила восьмирукая, уже взявшаяся за макушку среднего колпака. – А ты хорошо продумал, да? Совсем уверен?

– Нет, – признался Шах. – Просто... нравится мне этот колпак.

– Ну смотри.

Колпак медленно поднялся вверх. Лежавший под ним лепреккон перекатился на спину, протер глаза и озадаченно уставился на Шаха.

Спустя три минуты стопка монет перед Шахом превысила рост лепрекона, который уже не храпел, а тоненько сипел, старательно выжимая тощую бородавку. Мелькающие колпаки слились в сплошной красный круг.

– Пора заканчивать, – сказал Шон, озабоченно глядя на задыхающегося гнома. – Еще пару монет... Ага!

Он опустился на четвереньки, старательно пошарил в колпаках и прямо-таки расплылся в улыбке.

– Вот этого я ждал, – сообщил он озадаченному Шаху. – Сдергивай все три.

– А?

– Сдергивай!

Шах подхватил кончики колпаков и рванул их вверх.

Под колпаками обнаружилась совершенно чистая брусчатка без малейших следов лепрекона.

– Официально разрешенный трюк, – прокомментировал Шон. – Но раз уж мы оказались ловчее...

Восьмирукая издала тяжкий вздох, проделала второй правой рукой замысловатое движение и протянула пораженному Шаху... полновесный золотой томас!

– Эй, – донесся тоненький голосочек из-под ног Шаха.

Шах отпрыгнул в сторону. Булыжник, на котором он только что стоял, зашатался, и из-под него выкарабкался перемазанный в земле лепреконт.

– Ладно, – угрюмо пропищал он, старательно отряхивая кафтанчик. – Ты нас сделал, не спорю, все по правилам. Деньги твои. Но, – он поднял голову и озадаченно уставился на Шаха, – может, орк тебя побери, все-таки скажешь, как?!

Шах загадочно улыбнулся и запихал кошелек с выигрышем поглубже за пазуху.

– Все очень просто, – сообщил он озадаченному лепрекону. – Только ловкость рук – и никакого обмана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.